Людмила

МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ПЕРВЫЙ ШАГ К МЕЧТЕ

Будь готова к изменениям, которые входят в твою жизнь!

Желание женщины

Людмила Мартова

Первый шаг к мечте

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Первый шаг к мечте / Л. Мартова — «Эксмо», 2018 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-093983-1

Отправляясь в эту командировку, сотрудница юридической фирмы Нина не думала, что окажется в атмосфере английского детектива. Уединенная усадьба, хозяин которой недавно покинул этот мир, его многочисленные и совсем не дружные родственники, собравшиеся, чтобы присутствовать при оглашении завещания… Не хватает только снегопада, который отрежет усадьбу от внешнего мира! Но реальная жизнь – это не роман Агаты Кристи, и задача Нины не расследовать преступление, а обеспечить соблюдение юридических формальностей. Или предчувствие ее не обманывает и чисто английское убийство может произойти и в российской глубинке?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093983-1

© Мартова Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 34

Людмила Мартова
Первый шаг к мечте

© Мартова Л., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

«Я увидела, что добро и зло неразделимы.
Трудно объяснить.
Понимаешь ли… наши поступки только символы,
сами по себе они ничего не значат.
Наши побуждения – вот что важно».

«Право же, в жестокости судьбы
есть некоторая утонченность».

Э. Л. Войнич «Сними обувь твою»

В поезде пахло едой, и Нина чувствовала голод. Вообще-то она старалась не есть после шести и сегодня плотно пообедала перед дорогой, но запах вареных яиц и жареной курицы, доносящийся из соседнего купе, был невыносимо приятен и разжигал аппетит вместе с воспоминаниями.

Воспоминания тянулись из детства. Того самого детства, которое Нина давным-давно запретила себе вспоминать. Когда-то мысли о нем, прекрасном светлом периоде ее жизни, были так мучительны, что Нина заставила себя больше никогда-никогда о нем не думать. Сначала получалось не очень, но с годами она привыкла.

И вот сейчас детство вернулось. Ударило исподтишка, добралось до нервных окончаний через запах курицы и яиц вкрутую. Мама всегда варила их в дорогу, когда они отправлялись в отпуск на море, и не было ничего вкуснее этой поездной еды, к которой прилагались обязательные помидоры, красные-красные, с тонкой просвечивающей кожицей, еле сдерживающей напор яростно рвущейся наружу сочной мякоти. А еще спичечный коробок с солью.

Нина макала в коробок поочередно то яйцо, то помидор, а мама ругалась, потому что соль становилась влажной, розовой, комковатой, с вкраплениями яичного желтка. Нине нравилось представлять, что это цыплята, клюющие соленые крупинки.

Мамы и папы нет. Нет слишком давно для того, чтобы плакать, но глаза против воли наполнились слезами, и Нина быстро потерла их ладонями, не заботясь о макияже. Чертова курица. И есть ужасно хочется.

Она покосилась на соседа по купе. Высокий, кажется, симпатичный мужчина, чем-то неуловимо похожий на писателя Чехова, точнее, на его портрет, с детства знакомый любому советскому школьнику. Да и российскому, наверное, тоже. Мужчина заметил ее взгляд.

– Ужасно есть хочется, – пожаловался он. – Эта соседская курица так пахнет, что можно с ума сойти.

– Я тоже сижу и про это думаю. – Нина невольно улыбнулась, хотя всего полминуты назад ей вовсе не хотелось улыбаться. – По-моему, еда в поезде обладает какой-то особой магией. К примеру, мой сын в детстве очень плохо ел, но стоило нам сесть в поезд, как он тут же требовал достать еду.

– Мой сын еще маленький, восемь месяцев. – Мужчина снова улыбнулся, теперь уже своим внутренним мыслям. Было видно, что вспоминать о своем сынишке ему радостно. – Но думаю, что подрастет и тоже будет любить есть в поезде. Что ж, давайте знакомиться. В купе мы с вами вдвоем, и есть надежда, что так и останется до самой Москвы. Меня зовут Никита Чарушин. Возвращаюсь домой из командировки. А вы сами местная?

– Да. Я живу в Казани, – кивнула Нина. – И, наоборот, еду в командировку. А зовут меня Нина Григорьевна Альметьева. – И, немного подумав, добавила нехотя: – Можно просто Нина. – Фамильярности она не любила.

Настроение у нее снова испортилось. Скорее всего, из-за слова «командировка». Даже самой себе Нина не хотела признаваться, что волновалась из-за нее ужасно. Командировка неожиданная, заранее неприятная, и, будь Нинина воля, она бы от нее обязательно отказалась. Но в этот раз начальник отчего-то даже не захотел слушать ее доводов. Это было странно, потому что с начальником – основателем и руководителем крупной юридической конторы Сергеем Павловым – она состояла в отношениях близких, гораздо более близких, чем предусматривала корпоративная этика. Вот уже пять лет они были любовниками.

Неженатый Сергей уже три или четыре раза делал ей предложение, но, обжегшаяся на молоке, Нина теперь дула на воду и категорически отказывалась снова вступать в брак. Пару раз в неделю она оставалась у Сергея на ночь, поскольку восемнадцатилетнего сына вполне можно было оставить дома одного, вернее, не совсем одного. К нему тут же приходила девушка, и подобный расклад Нину устраивал и без всякого штампа в своем паспорте.

Сергей не настаивал, и Нина была уверена, что предложения он делал просто для проформы. В то, что Сергей ее любит, она не верила, понимая, что просто ему удобна. У них были общие интересы, служебные и не только, которые можно было обсудить после занятий любовью, схожие темпераменты и взгляды на жизнь. С Ниной было не стыдно выйти в свет – красавицей она не была, но к своим тридцати семи годам сохранила изящную фигуру и миловидное лицо, одевалась со вкусом и выглядела стильно и ухоженно.

Сын ее был парнем самостоятельным и приличным. Учился хорошо, окончил школу и поступил в институт на бюджет, не транжирил мамины нервы и деньги, не курил, не пил, не кололся, занимался спортом, но без фанатизма. С фанатизмом он относился лишь к подаренной ему на восемнадцатилетие машине. Глядя на сына, Нина иногда с усмешкой думала, что он родился за рулем. На самом деле почти так оно и было. Она родила в машине, но вспоминать об этом моменте своей жизни она не любила.

Итак, командировка. Когда Павлов вызвал Нину к себе в кабинет и объяснил суть задания, она сначала даже оторопела от изумления. Их адвокатское бюро должно было провести юридическое сопровождение похорон и оглашения завещания миллионера Георгия Липатова, скончавшегося на восемьдесят шестом году жизни. Когда-то давно Липатов был генеральным директором знаменитого Череповецкого металлургического комбината, который успешно акционировал в перестроечные годы. Последний «красный директор» рыночных веяний не понимал, а потому принадлежавшие ему акции продал и ушел на покой, обеспечив себе достойную старость.

Переехал в соседнюю область, купил бывшую барскую усадьбу на утесе над Волгой, протянул туда, как он сам говорил, «водопровод и цивилизацию» и поселился уединенно в сельской тиши, не привлекая к себе лишнего внимания более четверти века. И вот он умер.

– А мы тут при чем? – устало спросила Нина. – Если я что-то понимаю в географии, Казань от этой усадьбы далековато. Он что, в своей области адвокатской конторы не нашел?

– Я с ним давно знаком, – признался Сергей. – Ему меня не кто-нибудь, а Генрих Падва посоветовал. Липатов создавал трастовый фонд и не хотел иметь дело с громкими и крупными фирмами, ему был нужен кто-то мелкий, но надежный, а тут я и подвернулся.

– Сережа, – Нина смотрела внимательно, и он нагнулся, завязывая и без того завязанный шнурок на дорогом ботинке, – таким людям, как Липатов, не подворачиваются. Они точно знают, чего хотят.

– Какая разница? – Павлов занервничал, и Нина начала нервничать тоже. – Он несколько лет назад заключил со мной договор на юридическое сопровождение всех мероприятий, связанных с его возможной кончиной. Похороны послезавтра, все, что нужно сделать и заказать, я уже сделал и заказал. В рамках наших с Липатовым договоренностей с той стороны мне помогает человек, которого он оставил своим распорядителем. Но представитель нашей фирмы должен успеть приехать в усадьбу Знаменское до похорон, встретить всех наследников, познакомиться с ними и присутствовать при оглашении завещания, соблюсти все необходимые формальности и пробыть на месте вплоть до девятого дня. Это, кстати, обязательное условие не только для нас, но и для всех наследников. Если они претендуют на наследство, конечно.

– Мы же с тобой не претендуем, – резко сказала Нина. Перспектива уехать в неведомое ей Знаменское пугала ее чуть ли не до обморока. – Я так не претендую точно. Если уж ты ввязался в это дело, сорвал на этом Липатове неплохой куш и теперь не можешь отказаться, то пошли кого-нибудь другого. Почему я?

– Потому что я так решил, – резко сказал Павлов. Никогда, никогда до этого он не позволял себе так с ней разговаривать. – Потому что ты – мой лучший сотрудник. – Он снизил обороты, видимо понимая, что ничего не добьется прямым давлением. Нина была из другого теста. – Нина, я очень тебя прошу, поезжай. Я не могу всего тебе рассказать, но мне нравился этот старик, и я хочу, чтобы его последняя воля была исполнена, раз уж так получилось, что это зависит от меня.

– Хорошо, я поеду. – Нина и сама была удивлена вдруг неизвестно откуда взявшейся в ней решимости. – Терпеть не могу наследственных дел и от этого самого Знаменского не жду ничего, кроме головной боли. Но я поеду. Как зовут того человека, которого ты назвал распорядителем дел Липатова? С кем я там должна буду решать все вопросы?

– Вот и хорошо. – Павлов обрадовался так явно, что ей стало смешно. Она прекрасно знала своего любовника, а также то, что он терпеть не может скандалов. – А координаты человека, с которым ты должна будешь поддерживать связь и оперативно решать все вопросы, я тебе дам. Его зовут Рафик Аббасов.

– Добрый друг, – задумчиво сказала Нина. Павлов внимательно посмотрел на нее:

– Ты его знаешь?

– Балда. – Она подошла и легкой рукой растрепала его волосы. Сергей любил, когда она так делала, и встряхнул головой, понимая, что опасность бури миновала. За внезапную и не очень приятную командировку Нина на него не сердится. – Имя Рафик в переводе с азербайджанского означает «добрый друг».

– Я всегда знал, что ты – потрясающе умная женщина. И откуда только ты все знаешь? Каждый раз удивляюсь. А что касается поездки, так это же меньше двух недель, – теперь Павлов говорил извиняющимся голосом, – заодно отдохнешь от всех остальных дел. Выспишься хорошенько на свежем воздухе. Там тихо должно быть, за городом-то. И вообще. Неужели тебе неинтересно посмотреть, как живут миллионеры?

Даже самой себе Нина ни за что бы не призналась, что да, интересно. Еще как. И что ее внезапное решение отправиться в Знаменское как раз и объясняется этим так некстати вспыхнувшим интересом. Уж тем более она не могла поведать об этом своему случайному попутчику, с которым оказалась в одном купе. «Я еду в командировку», – вот и все, что она могла сказать.

– Пойду хоть чаю нам раздобуду, – сказал попутчик. Блики играли на стеклах его очков в круглой оправе. Ну точь-в-точь чеховское пенсне, еще бы бородку ему клинышком, и было бы совсем похоже. – Черный? Зеленый? Сахар? Лимон?

– Черный без сахара, а лимона два кусочка, если можно, – попросила Нина. – Спасибо вам, Никита. А то мне что-то грустно стало. У меня всегда перед любой поездкой такая вот беспричинная грусть. Не люблю из дома уезжать.

Он сходил к проводнице и принес два стакана чаю в железных подстаканниках, бывших таким же обязательным и вневременным атрибутом поезда, как жареная курица. Вкусно запахло лимоном. Чай оказался горячим и крепким, и Нина, обхватив кружку длинными изящными пальцами, немного расслабилась. Ну, не съедят же ее в этом Знаменском, в конце-то концов.

– А я раньше, наоборот, очень любил уезжать из дома, – попутчик продолжил прерванный разговор. – В поездках все всегда новое, неожиданное, не уныло-рутинное, а со вкусом приключений, что ли.

Нина представила возможные приключения и поежилась от внезапно охватившего ее холода.

– А сейчас что, надоели приключения? – спросила она, чтобы отвлечь саму себя.

– А сейчас я снова женился, и дома мне так хорошо, что во всех остальных местах плохо, – серьезно сказал он. – Вот сейчас еду и знаю, что меня ждут. Это же очень важно – знать, что тебя ждут дома.

Нина покосилась на него и ничего не ответила.

* * *

Дверь он открыл своим ключом, стараясь действовать как можно тише, чтобы не разбудить малыша, если тот еще спит, но Полина уже ждала его в коридоре, чтобы с размаху прыгнуть, повиснуть на шее, ткнуться носом в ложбинку между ключицами и вдохнуть мужнин запах, такой родной, такой знакомый.

– Привет, Пони, – ласково сказал Чарушин, продолжающий звать жену ласковым прозвищем, когда-то давным-давно данным ей отцом. – Как вы тут с Егоркой без меня?

– Мы с Егоркой хорошо, а без тебя плохо, – сообщила Полина, снова потерлась об него носом и отстранилась, давая мужу возможность раздеться и хотя бы поставить чемодан, который он все еще держал в руках. – Пойдем, я тебя покормлю. Мне нужно с тобой поговорить.

– Что-нибудь случилось? – осведомился Чарушин, хотя понимал, что ничего серьезного случиться не могло, иначе жена вела бы себя иначе.

– Нет. – Она пожала плечами и потянула его за рукав джемпера. Мол, проходи скорее. – Вернее, у нас все хорошо. И у мамы с Олей тоже. И у твоих родителей.

– А у кого тогда плохо? Не тяни, Пони, я же вижу, что тебе до смерти хочется мне что-то рассказать. Так поведай, не мучайся.

– Неинтересно с тобой, Никита, – нарочито печально сказала Полина, в глазах которой плясали чертенята. Все-таки она очень-очень по нему соскучилась за те пять дней, что его не было дома. – Все-то ты всегда знаешь. Садись за стол. Сейчас подам тебе завтрак, как примерная жена, и все расскажу. Скоро Егор проснется, будет не до разговоров.

Чарушин помыл руки и сел за стол, на котором уже стояла плетенка с хлебом, накрытым чистой накрахмаленной салфеткой, масленка, контейнер с аккуратно порезанными сыром и колбасой, горка блинов, мисочка со сгущенкой и тарелка с аккуратно уложенными рядом ножом и вилкой. До женитьбы Чарушин обычно ел без церемоний, но сейчас ему это все очень нравилось – и негнущаяся салфетка, и сложносочиненный завтрак, и то, что его нельзя съесть без ножа, просто вилкой.

Полина выложила на тарелку жареные сосиски и рядом с ними пышный омлет, который ловко достала из духовки.

– Сядь уже. – Он поймал ее за руку и заставил сесть на табуретку. – Давай, говори, кого на этот раз ты вызвалась спасать, сердобольная ты моя.

Он уже не раз и не два помогал Полининым подружкам, бывшим клиенткам и просто знакомым знакомых ее мамы. У них постоянно что-то случалось, а Полина, его ненаглядная Пони, была не таким человеком, чтобы пройти мимо чужой беды. Слишком много ей пришлось пережить, когда совсем еще девочкой она осталась без отца и взвалила на свои плечи ответственность за мать и больную сестру.

– Тате нужна помощь, – сказала Полина. – Настоящая помощь, Никита. Она хочет заказать тебе частное расследование.

В свободное от служебных дел время майор Чарушин действительно занимался частным сыском. В пределах закона, разумеется, хотя и негласно. Семью, а теперь у него была семья, нужно было кормить. И раз уж Полина, несмотря на рождение ребенка, не захотела отказаться от нескольких последних клиентов, квартиры которых убирала, чтобы не брать у него деньги на маму и Олю, то и ему было не грех подзаработать там, где это не вступало в противоречие с Уголовным кодексом и его собственным кодексом чести.

Тата как раз была одной из таких оставленных на время декрета клиенток – у тридцатилетней одинокой женщины, заведующей химической лабораторией нефтеперегонного завода, Полина прибиралась раз в неделю. Работы там было немного, а Тата ей нравилась, поскольку никогда не позволяла себе разговаривать со своей домработницей свысока, поила ее вкусным кофе, когда заставала в своей квартире, вела разговоры «за жизнь», всегда убирала за собой случайно пролитое молоко или разбитую банку варенья. Для Чарушина было удивительно, что так поступали не все, но Полина о нравах клиентов могла рассказать многое.

– Что-то случилось на заводе? – спросил Никита. – Если да, то я не возьмусь. Это серьезно, такое расследование нужно проводить только официальным путем. Я в бизнес-разборки встревать не собираюсь.

– Нет, у нее частное дело. – Полина забрала у него тарелку, он уже успел съесть все до крошечки, и поставила чистую, на которую ловко шлепнула блин. – У нее умер дедушка. Завтра похороны, потом оглашение завещания. Дед жил за городом, и по воле умершего все наследники должны будут прожить в его загородном доме до девятого дня. Так вот Тата хочет попросить, чтобы ты поехал туда вместе с ней. У нее плохое предчувствие. А у тебя все равно с завтрашнего дня две недели отпуска, так что ты вполне можешь себе это позволить.

Чарушин не верил собственным ушам. Он был уверен, что за пятидневное его отсутствие Полина соскучилась по нему, а она, оказывается, спит и видит, чтобы сослать его в какую-то тьмутаракань только потому, что этого хочется ее клиентке?

– Пони, ты что? – Он внимательно посмотрел на жену. – Ты правда хочешь, чтобы я провел почти весь отпуск не с тобой и Егором, а с твоей Татой, и только оттого, что у нее плохое предчувствие?

– Во-первых, она пригласила меня поехать вместе с тобой, – невозмутимо ответила Полина. – Тата говорит, что усадьба очень большая и мы с Егором там никому не помешаем. Мы даже не будем жить в основном доме, нам выделят один из гостевых домиков. А во-вторых, Тата – одна из самых здравомыслящих женщин, которых я знаю. Если она говорит, что дело нечисто и ей нужна помощь, значит, так оно и есть.

– Ты говоришь, что у нее умер дед. Сколько лет ему было?

– Восемьдесят пять.

– Пони… – Чарушин даже вилку отложил, так и не донеся до рта вкусный, блестящий от масла блин. – Что может быть нечисто в смерти восьмидесятипятилетнего старца?

– Я не знаю. И Тата не знает. – Полина встала и налила мужу чаю. – Но быть может все, что угодно. Во-первых, потому что ты сам меня этому учил. А во-вторых, потому что ее дед – Липатов.

– Липатов? Тот самый?

– Да. Тот самый. Миллионер Липатов, отстроивший усадьбу Знаменское.

– И на похороны съедутся все его наследники?

– Да. И Тата – одна из них. Возможно, она – основная наследница, потому что дед ее очень любил. Поверь, Никита, ей очень важно, чтобы при оглашении завещания с ней рядом кто-то был.

– Она считает, что ей угрожает опасность?

– Нет. – Полина снова пожала плечами. – Ничего конкретного она не считает.

– И ты действительно хочешь поехать?

– Хочу. Хочу, Никита. – Полина выглядела очень серьезной. – Я уже больше года не отдыхала. Наш с тобой последний отпуск был в прошлом сентябре. Ты на работу ходишь, людей видишь, вон в командировки ездишь. А я или дома с Егором, или у мамы с Олей, либо быстренько полы у клиенток мою и обратно. Да, я хочу в Знаменское. Там свежий воздух, там мне не надо будет стоять у плиты, там можно гулять с коляской не по грязным улицам, а по заснеженному лесу. А еще там будет приключение. Не ежедневная рутина, а приключение. Понимаешь?

Чарушин понимал. Со своей будущей женой он познакомился как раз в отпуске, в Коктебеле, откуда они вернулись уже с Егором, хотя тогда этого и не знали. И там на их долю выпало приключение, в эпицентре которого оказалась именно Полина, а Чарушин ее спас и ее сестру Олю спас тоже, хотя так бывает только в сказках[1].

Тогда Полина показала себя настоящим бойцом и вообще огромной умницей, без подсказок которой Чарушин, может, и не справился бы с расследованием. И теперь его деятельной жене очень хотелось нового приключения, вызывающего выброс адреналина в кровь. Это у него с его работой адреналина хватало, хоть пруд пруди, а ей действительно было скучно и маетно в круге работа-дом-ребенок-мама-сестра-муж.

– Хорошо, – сказал он и предупредительно поднял ладонь, потому что видел, что жена уже готова пуститься в пляс от радости. – Погоди, я пока ничего не обещаю. Пока я согласен встретиться с этой твоей Татой и поговорить о том, зачем ей понадобился сыщик. Если мне ничего не покажется подозрительным, то я возьмусь за это дело и мы с тобой поедем в Знаменское. Только денег с твоей Таты мы не возьмем. Моя помощь будет платой за кров и стол. Я, знаешь ли, как-то не привык одалживаться у наследниц миллионного состояния.

– Спасибо. – Полина просияла и поцеловала его крепко-крепко. – Я сейчас позвоню Тате и спрошу, может ли она к нам приехать.

– Я сам к ней съезжу и поговорю с глазу на глаз. И повторяю, что окончательное решение приму только после этого разговора.

* * *

Тата оказалась миловидной, очень приятной женщиной. Стройная, с хорошей стрижкой густых волос, делающей ее строгой и стильной, одетая в узкие джинсы и кашемировый свитер, она нервно сплетала и расплетала длинные тонкие пальцы без колец. Лишь три модных нынче серебряных браслета со скользя-щими на них шариками-шармами в виде зверушек перекатывались по ее тонкому запястью, тихонько позвякивая.

Браслеты не были дешевкой, но и в перечень элитных украшений не входили. Внучка и потенциальная наследница Липатова могла себе позволить что-то более дорогое, но отчего-то серебряные витые кольца, обхватывающие ее руку, очень подходили ей и к окружающей обстановке. Ничего вокруг не было выпендрежным, нарочитым, колющим глаза своим богатством. В Тате не было ничего такого, что Чарушин ненавидел в состоятельных людях – спеси, пока-

[1] Подробнее в романе Людмилы Мартовой «В Коктебеле никто не торопится». – *Прим. ред.*

зухи, зазнайства, тонкого, но заметного хамства, с которым принято разговаривать с людьми «низшего сословия».

При малейшем намеке на что-либо подобное Чарушин бы встал и ушел, невзирая на Полинино желание поехать в Знаменское, но Тата вела себя идеально, ничем его не раздражая. Спокойно и обстоятельно она отвечала на задаваемые им вопросы, и из ее ответов в голове у Чарушина постепенно складывалась картинка того, с чем ему предстоит работать.

Георгий Липатов после ухода на заслуженный отдых переехал из Череповца в соседнюю область. Купил заброшенное имение в Знаменском с полностью развалившимся барским домом, заросшем сорной травой, привел его в порядок, фактически отстроив заново, вычистил лес, углубил и облагородил пруд, запустил в него рыбу, расчистил русло Волги, подсыпал дороги и зажил спокойной и счастливой жизнью рантье. Он не ввязывался в политику, не выставлял напоказ свое богатство и не претендовал ни на какое влияние на местную элиту.

Слухи о нем, конечно, все равно ходили, так как человек такого масштаба и такого уровня благосостояния не мог не вызывать интереса хотя бы у журналистов, но в общении он был сколь спокоен, столь и непреклонен, в гости не приглашал, интервью не давал. Громкие события не комментировал, и интерес к нему постепенно угас.

К тому моменту, как Знаменское было полностью отстроено и приспособлено для безбедной жизни, Липатову исполнилось шестьдесят семь лет. Жил он фактически затворником, редко выезжая из усадьбы, поскольку все нужное ему привозили на дом. Раз в год Липатов отправлялся в Германию на комплексное медицинское обследование, да, пожалуй, и все. Путешествовать он не любил, да и с возрастом это становилось все тяжелее.

– Ваш дед жил один? – спросил Чарушин у Таты.

– Бабушка умерла двадцать семь лет назад. Дед еще тогда директором металлургического комбината работал. К тому моменту, как он переехал в Знаменское, дети уже были взрослые, разъехались кто куда. Поэтому да, он жил один. У него всегда была экономка, которая вела хозяйство. Чуть более полугода назад он еще обзавелся личным помощником, точнее помощницей, чтобы она вела дела и имела при том медицинское образование, чтобы следить за приемом нужных лекарств и делать уколы, если потребуется. Понятно, что в имении работают еще и садовники, и шоферы, но все они, включая механиков для гаража, были наемными работниками со стороны. В усадьбе не жили. Постоянных обитателей в усадьбе было только трое: дед, экономка Люба и помощница Валентина.

– Они и сейчас в усадьбе?

– Да, конечно. Дед особо оговорил, что их работа на него заканчивается лишь на девятый день после его смерти и они обязаны провести это время в усадьбе и присутствовать в момент оглашения завещания.

– А кто еще должен при этом присутствовать? То есть я понимаю, что все потенциальные наследники, но кто они? Поименно, если можно.

– Я поняла, – кивнула Тата. – Попробую все вам понятно объяснить.

У Георгия Липатова и его жены Софьи четверо детей. Старший сын, Александр, отец Таты, был моряком-подводником и погиб на подводной лодке «Курск» в двухтысячном году. Тате тогда было всего тринадцать, а ее младшему брату Гоше и вовсе пять лет. Мать – Ольга Павловна Липатова – замуж больше не вышла и растила детей одна. Финансово обеспеченный дед внукам и невестке, конечно, помог – купил квартиру, перевез из Видяева в областной центр рядом со своей усадьбой, определил ежемесячное содержание. Он был человеком дела, поэтому богатеньких наследников из внуков не лепил. Семья жила, ни в чем не нуждаясь, но, по современным меркам, достаточно скромно. Каникулы внуки проводили у деда, на море летали в Турцию или Краснодарский край. Никаких тебе Мальдивов и Багамских островов.

Тата окончила школу, затем химический факультет университета и устроилась на работу на нефтеперегонный завод. Там она трудилась и поныне, заведуя промышленной химической

лабораторией. Дед купил ей квартиру и продолжал выплачивать ежемесячное содержание, но довольно скромное – в размере ее зарплаты. На жизнь хватало. Двадцатилетний Гоша продолжал жить с матерью, хотя этим обстоятельством был крайне недоволен. Но покупать ему отдельное жилье дед не спешил.

– Почему? – спросил Чарушин. – Вам же он квартиру приобрел. Чем же ваш брат хуже?

– Гошка тоже этот вопрос все время задает, – невесело усмехнулась Тата. – Я же вам уже объясняла, что дед – человек старой закалки. Он не приемлет пустое прожигание жизни и мажорство. Он считает, считал, – снова поправилась она, – что все сначала должны получить профессию, устроиться на работу, доказать, что они что-то стоят сами по себе, а не как внуки Липатова, и уже только после этого соглашался помогать. Мама с Гошей, естественно, не голодают, у них хватает денег на все, что им действительно необходимо. И машину дед Гоше на восемнадцатилетие подарил, вот только не ту, какую тот хотел. Гошка мечтал о «БМВ» последней модели, а дед купил ему «Опель», посчитав, что для начинающего жизнь студента этого вполне достаточно.

– Разумно, – не мог не признать Чарушин. – Так, ваша мама, вы и ваш брат – первые три человека, которые будут завтра присутствовать на похоронах. Кто еще?

Вторым ребенком Липатовых была дочь Вера. Родилась она на два года позже Александра, работала врачом, три года назад вышла на пенсию и сразу уволилась, поскольку тоже получала от отца довольно скромный, но постоянный пансион, позволяющий жить, а не выживать на нищенскую пенсию. Еще в молодости Веру Георгиевну бросил муж, поэтому своих двоих сыновей – Виктора и Николая – она тоже вырастила одна. При помощи отца, разумеется. Жила семья в Москве. Тридцативосьмилетний Виктор работал одним из топ-менеджеров Газпрома, тридцатидвухлетний Николай – журналистом в престижной газете. Все они должны были приехать в Знаменское сегодня к вечеру, вместе с женой Виктора Мариной.

Еще одна дочь Липатова, Надежда Георгиевна, овдовела несколько лет назад и переехала из Череповца, где оставалась все эти годы, поближе к отцу, в город на Волге, в котором жили и Тата с Чарушиным. Вместе с ней на новое место жительства перебрался и ее единственный сын Артем.

– Тете Наде – пятьдесят шесть, Артему – тридцать четыре, – обстоятельно объясняла Тата. – Она всю жизнь проработала учительницей младших классов, а у Темки свой бизнес – авторемонтные мастерские.

– А дочери и внуки Липатова часто к нему приезжали?

– По-разному. – Тата пожала плечами. – Московские – от силы пару раз в год. Как правило, на день рождения. Иногда на Новый год, если за границу не отправлялись. Я бывала каждую неделю, потому что скучала по деду. Мне с ним с самого детства было очень интересно, да и меня он очень любил. Единственная внучка, все остальные мальчишки. Мама иногда ездила со мной, хотя и нечасто. Она же не дочь, а невестка, и у нее с дедом особой близости не было. Тетя Надя наведывалась, конечно. Иногда даже жила в Знаменском неделю-две, а летом и пару месяцев могла провести. Природа там замечательная, дом большой, так что никто никому не мешал. Темка тоже ездил, наверное, раз в месяц, не чаще. Иногда мать привозил, иногда меня сопровождал. Но он работает много, поэтому лишнего времени особо не было.

– А правнуки у Липатова были?

– Только одна. Нателла, дочка Марины и Виктора. Остальные дедушкины внуки так и не обзавелись семьями. Колька и Темка не женаты, я не замужем, Гошка вообще еще малолеток. Так что, кроме Нателлы, никого. Давайте посчитаем. Моя мама, Гошка, и я. Это трое. Тетя Вера, Колька, Витька и его жена Марина. Еще четверо. Тетя Надя и Темка. Итого получается, что на завтрашних похоронах будут присутствовать девять человек. Не считая Рафика, конечно. Рафик десятый.

– Кто такой Рафик? – жалобно спросил Чарушин, у которого от обилия липатовских родственников уже голова шла кругом.

– Рафик – дедушкин приемный сын. То есть это, конечно, не было никак официально оформлено, но Рафик жил в нашей семье с тех пор, как ему исполнилось семнадцать. А сейчас ему, слава богу, уже пятьдесят. Вы должны были о нем слышать. Рафик Аббасов – директор нефтеперегонного завода. Мой непосредственный начальник.

Естественно, Чарушин слышал об Аббасове – одном из самых влиятельных бизнесменов их города. Возглавив нефтеперегонный завод двадцать лет назад, он вытащил его не только из руин, но и из бесконечных войн за собственность. С тех пор завод процветал, рейдерские захваты на него канули в Лету, рабочие получали стабильно, а главное, достойную официальную зарплату и положенный соцпакет, а стоимость бензина в их области была заметно ниже, чем у соседей, поскольку «своим» завод поставлял с существенной скидкой. Аббасов искренне считал, что любой крупный бизнес должен быть социально ориентированным, построил в городе бассейн, спортивный зал, крытый теннисный корт и доплачивал сотрудникам, чьи дети учились на «четыре» и «пять».

С недавнего времени он еще и являлся депутатом областной Думы, куда был «внесен» на плечах своих рабочих, проголосовавших за своего директора чуть ли не единогласно. Взяток он не брал, хотя давал там, где было положено, у основных акционеров не воровал, в развитие предприятия вкладывал всю душу, а главное – незаурядные мозги. И вот, оказывается, при всем этом еще и был приемным сыном Липатова, пусть даже и неофициальным.

– Рафик очень умный, – восторженно рассказывала Тата. – Я знаю это лучше других, потому что у него на заводе работаю. Он взял меня, когда я университет окончила. Помогал, конечно, но спуску, на правах почти что родственницы, не давал. Дедушка ему очень доверяет, то есть доверял… Пожалуй, Рафик – единственный человек, которого он считал равным себе по способностям. Управленческим способностям, я имею в виду. Он и распорядителем своих похорон оставил именно Рафика. Знал, что тот со всем справится. Есть еще юридическая фирма, представитель которой должен сегодня приехать, чтобы соблюсти формальности с завещанием. Но похоронами занимается именно Рафик.

– Итак, если вы никого не забыли, то с завтрашнего дня в доме будут девять родственников Георгия Егоровича, этот ваш Рафик, экономка, помощница, представитель юридической фирмы, и всё? – уточнил Чарушин.

Тата покорно шла в расставленную им простенькую ловушку, сама того не замечая.

– Ну да, – сказала она, пошептав что-то еле слышно и загибая при этом пальцы. – Еще вы, если, конечно, согласитесь поехать со мной, и Полина с Егором. Всего шестнадцать человек.

– Тата, вы точно никого не забыли?

– Нет, – она недоуменно смотрела на Чарушина. – Кого я могла забыть?

– Но ведь в самом начале вы сказали, что у вашего деда было четверо детей. Ваш отец, Вера Георгиевна и Надежда Георгиевна – это трое. Четвертый ребенок что, умер?

– Четвертый? – Тата вдруг вздрогнула, как будто речь шла о чем-то очень неприятном. – Нет, не умер. Просто это такая нехорошая история. Знаете, этакий скелет в шкафу, который бывает во всех семьях. С виду даже самых благополучных. У деда с бабушкой была еще одна дочь. Самая младшая. Она родилась, когда тете Наде было уже девятнадцать лет. Знаете, так бывает. Поздний ребенок, последыш. Бабушке исполнилось сорок четыре, когда она поняла, что снова беременна. Хотела сделать аборт, но дед не дал. Съездил в Москву, в Ленинскую библиотеку, провел там почти сутки и привез конспект, в который выписал историю всех гениев, которые родились у пожилых родителей. Там были и Конфуций, и Микеланджело, и Петр Первый, и Паганини, и Гёте. В общем, бабушку он уговорил, хотя тетя Вера и тетя Надя считали, что это неприлично – рожать в таком возрасте. Но бабушка с дедом все-таки рискнули, и у них родилась Мальвина.

– Кто? – спросил ошарашенный Чарушин. – Мальвина? Девочка с голубыми волосами?

– Нет, волосы у нее были обычные, – Тата засмеялась. – Почему-то бабушка решила, что дочку нужно назвать Мальвиной, а дед не спорил. Естественно, что для домашних она была просто Аля. Мой папа рассказывал, что имя свое она ненавидела и не могла дождаться, пока вырастет и сможет его поменять. Когда она получала паспорт, с этим даже скандал вышел. Первый скандал, – уточнила она. – Бабушка к тому времени уже умерла, и дед категорически запретил Мальвине менять имя. Заставил оставить из уважения к памяти матери. И это был последний раз, когда Мальвина его послушалась и уступила.

– Первый скандал. Значит, был и второй?

– Так я к тому и веду. Когда Мальвине было восемнадцать, она влюбилась в неподходящего, с точки зрения деда, человека. Он был намного старше ее, уже дважды разведенный. Нигде не работал, пил. Но что-то Аля в нем нашла такое, что ее от него просто не оторвать было. Дед ее запер, так она в окно вылезла, по водосточной трубе спустилась и убежала на свидание. В общем, дед терпел-терпел, а когда понял, что с дочкой никакого сладу, сговорился с этим уродом и дал ему денег, чтобы он из города убрался. Исчез из жизни Мальвины. Так вот он эту дурочку продал, разумеется, а потом накануне отъезда все ей рассказал, и она сбежала из дому. Вместе с ним. Представляете?

– Да уж. И что дальше было? – с искренним интересом спросил Чарушин.

– Ну, сначала дед, конечно, погоню за ними отправил, но Мальвина, когда ее догнали, заявила, что никогда не вернется к отцу, который считает, что ее можно купить или продать, а останется рядом с человеком, которого любит. Тогда уже дед осерчал и заявил, что если она не вернется добровольно в течение десяти дней, то он вычеркнет ее из своей жизни. Мол, не будет у него такой дочери. А Алька сказала: пожалуйста.

– И что, они так больше и не виделись?

– Нет. Дед суровым человеком был. Недаром столько лет большим производством командовал. Его дети всегда безукоризненно слушались. Это уж нам, внукам, многое позволено было, да и то до определенного предела. А уж такую вольность он, конечно, не стерпел. Заявил, что знать дочери не знает. Пусть живет, как хочет, и чтобы он ничего о ней больше не слышал. Мол, если даже обратно приползет и ботинки целовать будет – не пустит.

– А она приползла?

– Нет. Алька оказалась точной копией своего отца. У нее характер был такой, неженский. Кремень, а не девчонка. Я ее ведь помню, она меня всего на семь лет старше была. Мы, когда летом в отпуск приезжали, у деда останавливались. Так вот она, когда коленки разбивала или в крапиву залезала, никогда не плакала. Уставится своими глазищами, не моргнет даже, шипит сквозь зубы, но не плачет. Так что на поклон она не пришла и домой не вернулась. Дед как раз усадьбу тогда достраивал и примерно через год из Череповца насовсем уехал. Перед отъездом всем велел Альке, если появится, даже адреса его нового не давать. Так что в завещании ее быть не может, и на похороны ее никто не звал. Во-первых, потому что никто не знает, где она. А во-вторых, потому что дед такого распоряжения не оставлял. Я у Рафика спрашивала.

– Вы уверены, что дед в последние годы не нашел свою младшую дочь и не помирился с ней?

– Более чем. Я как-то поинтересовалась у него, не хочет ли он на старости лет примириться с Алькой. Он сказал, как отрезал, чтобы я не совала свой нос в то, что меня не касается. Видно было, что так и не отошел, хотя почти двадцать лет прошло. Такой уж он был человек.

– И то, что вы пригласили меня отправиться в Знаменское вместе с вами, не связано с беспокойством, что на похороны может заявиться эта самая Мальвина? Устроить скандал, претендовать на наследство…

– Нет конечно. Она – такая же сестра моего отца, как тетя Вера и тетя Надя. Я была бы очень рада, если бы она приехала. А наследство… За всех не скажу, но я с уважением отнесусь

к любому волеизъявлению своего деда, каким бы оно ни было. Даже если вдруг выяснится, что он все оставил Мальвине, я приму это философски. Профессия у меня есть, работа тоже. Не пропаду.

– А все остальные члены вашей семьи тоже так считают?

– Понятия не имею. – Теперь она выглядела удивленной. – Я с ними это не обсуждала.

– Тогда, Тата, можете ли вы четко сформулировать, зачем вам нужно, чтобы мы с Полиной поехали вместе с вами? Чем вызваны ваши, как это назвала моя жена, плохие предчувствия?

– Я не знаю. – Голос Таты упал до шепота. – Ничего вразумительного я вам, Никита, сказать не могу. Все очень зыбко… На кончиках пальцев… Просто отчего-то из-за поездки в Знаменское страшно волнуется мама. А ей нельзя волноваться, у нее сердце больное. Она ничего не говорит, но я же вижу, что она места себе не находит. Только отошла от неприятностей с Гошкой, и на тебе…

– Каких неприятностей? – навострил уши Чарушин.

– Ничего серьезного. – Тата махнула рукой. – Просто он в начале одиннадцатого класса влюбился, причем в женщину чуть ли не вдвое старше себя. Бегал за ней, как собачонка. Будто приворожила она его. Он даже жениться хотел, как восемнадцать исполнится. Мама чуть с ума не сошла. Но слава богу, прошло это наваждение. Она уехала куда-то из города вроде. И Гошка таким спокойным стал, как и не было ничего. Школу окончил, в институт поступил, сессию зимнюю сдал нормально… Мама еще подергалась какое-то время, думала, что Гошка ее обманывает, но нет, он и правда успокоился. В общем, ей эта история тяжело далась и много крови попортила. Я только радоваться начала, что она нервничать перестала, и тут вижу, что она снова будто не в себе. И началось это после дедушкиной смерти.

– И из-за этого вы решили, что вам нужен в усадьбе частный детектив?

– Нет, не только из-за этого. Видите ли, Никита, мне кажется, что дедушка не сам умер. Его убили.

* * *

В Москве на Казанском вокзале Нину ждала обещанная машина с шофером. Рафик Аббасов, похоже, был человеком, на слово которого можно было рассчитывать. «Мерседес» представительского класса был вымыт до блеска, будто и не преодолел расстояние более двухсот километров. Водитель ждал у вагона с табличкой «Знаменское» в руках, чемодан забрал сразу, дорогу показывал уверенно, но без навязчивости, и даже поинтересовался, на каком месте Нина предпочитает ехать.

Она выбрала переднее, хотя это считалось неправильным, не статусным. Нина любила смотреть на дорогу, а с переднего сиденья это было удобнее делать, обзор лучше. На статус же ей было плевать. Водитель если и удивился, то виду не подал.

Всю дорогу он молчал, давая возможность своей пассажирке самой начать разговор, но беседовать Нине не хотелось, и, достав из портфеля документы, касающиеся Липатова и его наследства, она погрузилась в чтение, чтобы подготовиться к визиту в Знаменское как можно лучше.

Павлов дело свое знал, поэтому в папке лежали досье на всех членов липатовской семьи. Фотографии прилагались, и Нина с интересом разглядывала молодые и старые лица людей, с которыми ей предстояло провести десять дней под одной крышей. Ей действительно было интересно, как выглядят родственники миллионеров. Выглядели они, впрочем, весьма обычно. Просто люди, пусть и со своими привычками, проблемами и тайнами.

Так, Александра Липатова, моряка-подводника, уже нет в живых. Его жена Ольга – полная, видно, что добрая женщина, с отчего-то потухшим взглядом. То ли так и не отошла от

потери мужа, то ли дети доставляют проблемы. А вот и они. Дочь Татьяна, Тата, как ее называют в семье. Тридцать лет, не замужем, хотя и непонятно почему. Симпатичная, сероглазая, со стильной растрепанной стрижкой. Глаза хорошие – умные и серьезные. Мало где сейчас можно встретить такие глаза. А вот сын Гошка, Георгий, видимо в честь деда, сразу видно, шалопай. Видать, из-за него матушка такая грустная. Интересно, пьет он или наркотиками балуется? Надо будет понаблюдать.

Идем дальше. Вера Липатова. Интересно, почему у нее девичья фамилия? Ах да, после того как ее бросил муж, Вера снова стала Липатовой и детям заменила документы. Надменная матрона с неприятным взглядом. Сразу видно, что цену себе знает. Впрочем, такие, как она, цену знают всему и вся. Можно быть уверенным, что и ее, Нину, она оценит с первого же взгляда, которым профессионально пробежится от макушки до самых пяток. Нина усмехнулась. Такие взгляды клиентов были ей не впервой, и уж что она умела просто блестяще, так это ставить таких зарвавшихся дамочек на место одним движением брови. С Верой она справится играючи.

Ее сын, Виктор Липатов. Выглядит как преуспевающий менеджер Газпрома, коим и является. Уверен, что жизнь оседлал давно и прочно и ничто не может вышибить его из седла. А вот и его жена Марина. В тридцать шесть лет выглядит максимум на тридцать. Тут ботокс, там гилауроновая кислота, здесь первая подтяжка… К полному боекомплекту еще должен прилагаться роман с фитнес-тренером. Надо же чем-то себя развлекать, пока муж на совещаниях и заседаниях, а дочурка в Англии учится. Дочурку Нина поразглядывала тоже, хотя и знала, что на похоронах ее не будет. Странно это, кстати. Как-никак единственная правнучка Липатова.

Николай Липатов, классический прожигатель жизни. Талантливый журналист, не обремененный необходимостью заботиться о ком-то, кроме себя. Судя по фотографии, уверен в непоколебимости своих суждений, поскольку с детства знает, что такое хорошо и что такое плохо. Взгляд цепкий, противный, кажется, до нутра прожигает. Нина поежилась даже. Все-таки удивительно, до чего у Липатова неприятные родственники.

Она нетерпеливо перелистнула страницу. Так. Надежда Воронина, вдова. Бесформенная клуша, понятия не имеющая, что такое спортзал или диета. Если не знать, что она – дочь миллионера, так в жизни бы не подумала. Одета во что-то немаркое и неброское, похоже, что с вещевого рынка. Взгляд сонный, даже без намека на интерес к жизни. Нина представила, как она сидит перед телевизором, денно и нощно смотрит сериалы для домохозяек, ну, может, еще шарфики вяжет да компоты закатывает, не более того.

А вот у Артема Воронина лицо хорошее, славное. Нина с интересом разглядывала высокий покатый лоб, ясные голубые глаза, похожие на лесные озера. В его чертах не было ни капли липатовской тяжеловесности, видимо, в умершего отца пошел. Красивый мужик, смерть девкам.

Последний листок представлял собой досье на Рафика Аббасова, который сейчас ждал Нину в усадьбе. Аббасов был красив тяжелой восточной красотой с чувственно опущенными вниз уголками полных губ, прямым ровным носом, кудрявыми густыми волосами с проседью, большими угольно-черными глазами, засасывающими в себя почище любого омута. Ничего нельзя было прочитать в этих глазах, навсегда хоронящих любые секреты. Распорядитель похорон. Человек, с которым Нина должна будет решать все возникающие у нее вопросы. Человек, на плечи которого Липатов переложил всю ответственность за свою семью. Любопытно, как к этому относится Виктор, ставший старшим мужчиной в семье. Не ревнует ли он, что сливки полного доверия снял этот азербайджанский полубог, близкий Липатову пусть не по крови, так по духу.

Нина с юности обладала хорошей интуицией, не раз позволявшей ей выпутываться из непростых ситуаций, в которые она попадала из-за неуемного характера и бьющей через край энергии. Ее интуиция не давала ввязываться в совсем уж опасные авантюры и всегда помогала

найти выход там, где его, казалось, и вовсе не было. И вот сейчас, сидя в теплом нутре комфортабельной машины, Нина смотрела в черные глаза Рафика Аббасова и чувствовала, что впереди ее ждут непростые испытания. Интуиция, засевшая где-то в районе копчика, свербила, чесалась, кололась и заставляла Нину ерзать на кожаном сиденье «Мерседеса».

– Жарко? – спросил водитель, заметивший, что она елозит туда-сюда, словно не в силах найти себе место. – Я сейчас подогрев сидений выключу.

Ну ничего-то он не знал о ее хваленой интуиции.

В полном молчании они проехали город, бывший промежуточным пунктом, и свернули с окружной дороги чуть в сторону, к усадьбе. Дорога стала чуть уже, но все равно оставалась хорошего качества. Такие в России нечасто встретишь. «Липатов все делал на высочайшем уровне», – подумала про себя Нина и снова усмехнулась.

После очередного поворота они въехали в лес, от чего качество дороги вовсе не стало хуже, проехали около полукилометра и оказались перед большими воротами, у которых стоял знак «частные владения». Водитель позвонил куда-то, и ворота начали медленно открываться, пропуская их на территорию усадьбы Знаменское. Нина подумала, что после того, как они с мягким звуком закроются у нее за спиной, обратной дороги уже не будет.

– Далеко отсюда до дома? – спросила она у водителя.

– Километр.

– А можно я пешком прогуляюсь? – Ей неожиданно захотелось пройтись по засыпанной плотным снегом широкой аллее, проложенной между вековыми дубами и липами. «Наверное, здесь летом очень красиво», – не к месту подумала она.

– Пожалуйста. – Водитель, похоже, был приучен ничему не удивляться. Он аккуратно притормозил и выскочил наружу, чтобы открыть Нине дверь. – Тут не скользко, дорога обработана противоледными препаратами, и неопасно. Чужих тут не бывает. Собак тоже. На деревьях повсюду камеры, так что в собаках нужды нет. Да и не любил их Георгий Егорович. Боялся. Вещи ваши я в комнату подниму, которую вам подготовили. Так что не волнуйтесь, дышите воздухом спокойно. Рафика Валидовича я предупрежу, что вы задержитесь, потому что пешком идете.

Машина уехала, и Нина, вдохнув полной грудью прохладный, очень свежий воздух, неспешно пошла по аллее, представляя себя героиней какого-нибудь купринского рассказа. Отчего-то все вокруг навевало мысли именно о Куприне, и Нина вдруг засмеялась, громко, вслух, с удовольствием. Красный директор Липатов, мастодонт, пережиток советского строя, выстроил для себя дореволюционную дворянскую усадьбу. Отчего-то виделась Нине в этом насмешка судьбы.

Снег хрустел под ногами, как будто Нина давила ржаные сухарики, высыпанные воробьям. В детстве она любила кормить птиц, и мама всегда сушила для них сухарики, которые она таскала в карманах, периодически грызла сама, но чаще высыпала на снег зимой или асфальт летом и давила ногой, превращая в аппетитные крошки. Интересно, миллионеры кормят воробьев сухариками или это удел простых смертных?

Красота вокруг была просто сказочная. Нина и не помнила уже, когда в последний раз она попадала в такую вот зимнюю сказку – с белым-белым, слепящим от солнца снегом, замерзшими ветками деревьев, которые, казалось, звенели в морозном воздухе, как маленькие колокольчики, и грозили сломаться. Вот только тронь их, и рассыпятся. Над головой висела бескрайняя синь неба, в воздухе замерзали облачки легкого Нининого дыхания, оседавшего на ресницах в виде пушистого белого инея. Куда там импортной туши для удлинения ресниц…

Несмотря на пятнадцатиградусный мороз, Нина не чувствовала холода. Она просто шла вперед, к неведомому ей пока дому, к чужим, незнакомым людям, собравшимся вместе по воле умершего тирана. В том, что Липатов – тиран и деспот, она не сомневалась. Такие люди, как он, даже в старости не утрачивают величия и могущества. Помноженные на капризность и

плохое самочувствие, присущие всем старикам, они должны были сделать характер покойного просто невыносимым для окружающих. Всю липатовскую родню Нине было искренне жаль.

Дом открылся внезапно, и Нина вдруг остановилась от того, что у нее перехватило дыхание, так прекрасен он был. Выкрашенное в приятный светло-желтый цвет здание с портиком, опирающимся на две белоснежные колонны. От колонн вниз ведет широкая, разветвляющаяся лестница с белоснежными же перилами. Спуск каскадами, поскольку здание стоит на холме, и по бокам лестничных площадок располаются геометрические клумбы, сейчас усыпанные ровными аккуратными сугробами, но летом, по всей вероятности, цветущие.

И лестница, и боковые дорожки, сбегающие между клумб, словно ручейки, сопровождаются высокими фонарями на кованых витых ножках. Вокруг клумб были установлены и маленькие фонарики, в темное время суток, видимо, дававшие подсветку удивительной красоты. В этом Нина могла бы убедиться только вечером.

Дом основательный, красивый, надежный и удивительно гармоничный. Ничего в нем не раздражает глаз, не цепляет своей несоразмерностью или неуместностью. Чуть в стороне от дороги Нина увидела большой, тщательно вычищенный от снега пруд. На его гладкой ледовой поверхности можно было кататься на коньках. Посредине пруда красуется аккуратный насыпной остров с расположенной вокруг балюстрадой, переходящей в скамейку. Обязательные светильники, той же формы, что и у дома, окружают балюстраду и ведут вдоль узенькой дорожки, которая соединила островок с берегом.

Здесь ценили комфорт и уют и умели об этом заботиться. Нина невольно подумала о том, сколько же рабочих рук нужно, чтобы поддерживать такой порядок. Впрочем, из материалов, переданных ей Павловым, она знала, что постоянно в доме живут лишь помощница по хозяйству и секретарь, она же личный помощник. Люба и Валя, если Нина правильно помнила имена, указанные в досье. Остальных нанимают «по случаю», и они либо ездят из города, либо добираются на работу в усадьбу из близлежащих деревень. К примеру, интересно, откуда приходит дворник или дворники? Дорожки вычищены просто отлично.

Раздумья о качестве работы дворников прервал какой-то шум. Из дома вышел и теперь быстро шагал навстречу Нине высокий плотный мужчина лет пятидесяти. Седой чуб, кудрявые волосы, распахнутый на морозе пиджак, судя по тому, как сидит, очень дорогой. Походка стремительная, но мягкая, кошачья. Рафик Аббасов.

– Здравствуйте, – закричал он издалека, не подходя еще вплотную к Нине. – Водитель сказал, что вы решили пройтись пешком. Вот не дождался, вышел вас встречать.

– Замерзнете, – тоже прокричала в ответ Нина. – Я уже иду.

– Я морозостойкий. – Мужчина уже подошел на достаточное расстояние для того, чтобы не кричать, а говорить нормально, протянул Нине крепкую ладонь с длинными, ровными, очень изящными пальцами. Из-под ослепительно белого манжета с бриллиантовой запонкой показалось широкое в кости запястье, поросшее твердыми черными волосами. – Здравствуйте еще раз. Меня зовут Рафик Аббасов.

– Добрый день, Рафик Валидович, – вежливо сказала Нина, воссоздавая дистанцию, которую он только что вольно или невольно нарушил. Нет, она не любила панибратство и с незнакомыми людьми сходилась небыстро. – Меня зовут Нина Григорьевна Альметьева, я тот самый представитель адвокатской конторы «Павлов и партнеры», с которым у Георгия Егоровича Липатова был заключен договор.

– Добро пожаловать в Знаменское, Нина Григорьевна. – Он сделал едва заметную паузу, произнося ее имя, подчеркивая, что понял и принял ее желание держаться в строгих официальных рамках. – Пройдемте в дом. Люба покажет вам вашу комнату, вы сможете разложить вещи и принять душ. Обед в два часа, и за обедом вы сможете познакомиться с теми членами семьи, которые уже приехали в усадьбу. Остальных мы ждем к ужину. Если вы голодны или хотите кофе, то скажите Любе, она все приготовит.

– Чаю я бы выпила, – призналась Нина, – во всем остальном потерплю до обеда.

Они уже поднялись по широким ступеням лестницы, зашли в просторную прихожую. Аббасов помог Нине снять шубку и повесил ее в шкаф за раздвижными дверцами. Пригласил Нину пройти дальше, в круглый просторный холл, посредине которого располагалась лестница на верхние этажи. Навстречу им уже спешила круглолицая полная женщина средних лет в белом кружевном переднике поверх строгого черного платья и в белоснежном кружевном чепце на голове. Видимо, та самая Люба, экономка. Выглядела она грустной, и глаза у нее были заплаканными.

– Здравствуйте, – гостеприимно сказала она. – Меня Любой зовут. Пойдемте, я вам дом покажу, чтобы вы ориентировались, где тут что. А потом в своей комнате отдохнете и придете ко мне в кухню, я там к чаю все накрыла и блинчиков с вареньем напекла, чтобы вы позавтракали с дороги. Рафик, вы возвращайтесь к своим делам, я займусь нашей гостьей. – Нина отметила, что Аббасова она называет на «вы», но без отчества.

– Хорошо, я буду в кабинете, – кивнул тот. – Нина Григорьевна, я думаю, что о делах мы с вами переговорим, когда вы осмотритесь и со всеми познакомитесь. Время еще есть. Похороны завтра в десять утра. Кладбище тут недалеко, в пяти километрах. Автобус заказан. Поминки здесь, в доме. Думаю, что это вся информация, которая вам сейчас необходима. До встречи.

Нина шла за Любой по дому и с интересом оглядывалась по сторонам. Изнутри дом тоже был комфортным и функциональным. Все здесь было продумано до мелочей – нескользкие ступени, удобные, ровно под руку перила, широкие коридоры, поручни у ванн и унитазов, чтобы было удобно пожилому человеку, выключатели, прыгающие в ладонь при входе в комнаты, легко моющийся и не собирающий пыли ламинат, легкие, совершенно не помпезные шторы, не скрадывающие пространство комнат, освещение, которое можно было настроить в зависимости от настроения или потребности в нем. Да уж, кто-кто, а дизайнер помещений у Липатова работал классный, Нина даже позавидовала.

На первом этаже помимо холла и кухни, к которой примыкали большая кладовая с погребом, прачечная и сушильно-гладильная комната, располагались столовая, каминный зал, гостиная, кинозал, библиотека и хозяйский кабинет, в котором сейчас уединился Аббасов. На втором этаже друг за другом шли десять спален с обязательной ванной комнатой при каждой. Одна спальня – хозяйская – сейчас пустовала.

Все остальные были распределены между уже приехавшими и ожидающимися наследниками. Нина не спрашивала, но Люба все равно рассказала, что налево от комнаты Липатова всегда размещались его невестка Ольга Павловна, дочери Вера Георгиевна и Надежда Георгиевна, а также внучка Тата. Пятую спальню, обычно занимаемую Нателлой, сегодня выделили самой Нине, и за порогом уже стояли ее чемодан и портфель.

Справа находились спальни внуков Виктора с женой Мариной, Николая, Гоши и Артема. Пятая комната обычно пустовала, но сегодня предназначалась какому-то гостю, которого должна была вечером привезти с собой Тата. С учетом, что она была не замужем, Нина посчитала, что речь идет о любовнике, который решил не оставлять Тату наедине с горем в день похорон деда. Правда, было странно, что он собирался поселиться отдельно, но бог его знает, какие тут в доме порядки. Зная старорежимность Липатова, можно было предположить, что для него отсутствие штампа в паспорте могло служить причиной проживания в отдельной комнате.

На третьем этаже располагалась небольшая гостиная, в которой можно было посмотреть телевизор или послушать музыку, не спускаясь на первый этаж, комнаты Любы и помощницы Валентины, спальня Рафика, комната его дочери, в которой она останавливалась, когда приезжала в усадьбу, обсерватория с настоящим телескопом, в который можно было изучать звездное небо, и еще несколько пустых гостевых спален на тот случай, если в усадьбу помимо родственников нагрянут и другие неожиданные гости.

– Да уж, места тут много, – заметила Нина. – Интересно, сколько гостей можно разместить в усадьбе одновременно?

– Много, – улыбнулась Люба. Впрочем, даже улыбка у нее была печальная. – В лесу же еще гостевые финские домики построены. В каждом до семи человек помещаются, а домиков пять, вот и считайте.

По всему выходило, что пенсионер Липатов, живший практически затворником, человеком был основательным. И зачем ему, спрашивается, был нужен такой домина, в который его дети и внуки наезжали нечасто, а вместе собрались и вообще впервые, да и то на его похороны.

В «своей» комнате Нина приняла душ, переоделась, развесила одежду в шкаф, убедилась в отменном качестве матраса и постельного белья на кровати (впрочем, иного она уже и не ожидала) и позвонила Сергею, доложиться, что прибыла на место.

– Я рад. – Голос ее друга, начальника и любимого мужчины звучал непривычно сухо и отстраненно. – Надеюсь, что тебе там понравится и ты не только поработаешь, но и отдохнешь.

– Да я вроде не устала, – пожала плечами Нина. – Сережка, ты чего такой?

– Какой?

– Чужой, – призналась Нина. – Недовольный, усталый, мрачный. Продолжать могу до бесконечности. Что-то случилось?

– Не выдумывай, – раздраженно бросил он. – Все, осваивайся там на местности. Я тебе позже позвоню.

Нина тоскливо подумала, что все-таки правильно поступала, когда отказывалась выходить за Павлова замуж. Любые отношения приедаются и надоедают. Вот и она, похоже, стала в тягость Сергею. Что ж, никогда она не навязывалась мужчинам, никогда не вцеплялась мертвой хваткой, пытаясь удержать. И в этот раз удерживать не будет. Все-таки отсутствие штампа в паспорте избавляет от множества мелких, но досадных проблем. А любовь… Что ж, в любовь она давно уже не верит. Жаль, конечно, если они расстанутся. С Сергеем ей удобно, как и ему с ней, да и любовник он хороший, чуткий и внимательный. Для женщины это важно.

Легонько вздохнув, Нина решила пока об этом не думать. В конце концов, впереди у нее десять дней, которые ей предстоит провести здесь, вдалеке от Павлова, а за это время проблема либо рассосется и ее не нужно будет решать вовсе, либо назреет и решится сама собой. А пока ее ждут чай и блинчики. Нина вдруг почувствовала, что зверски проголодалась. Натянув джинсы и легкий свитер, она подкрасила глаза, собрала волосы в длинный свободный хвост и, едва касаясь ступенек, сбежала в кухню, к печальной, но гостеприимно-хлопотливой Любе.

Под лестницей в холле кто-то разговаривал по телефону. Голос звучал нервно, отрывисто. Человек явно приглушал его, чтобы не быть услышанным, потому что до спускающейся вниз Нины долетали лишь отдельные слова, из которых тем не менее складывался общий смысл.

– Я хочу, чтобы это пока осталось между нами, – говорил голос. – Не нужно, чтобы об этом еще кто-то знал. Нет, я сам решу, когда это будет и при каких обстоятельствах. Да не волнуюсь я. Напротив, я совершенно спокоен, черт бы тебя подрал. Нет. Я говорю, нет! Если меня угораздило вляпаться в это дерьмо, я буду разгребать его сам. Мне не нужно, чтобы обо мне судачили на каждом углу. Все, я позвоню, как только что-то узнаю. И молчи, я тебя умоляю.

Нина дошла до последней ступеньки, повернула в сторону кухни и практически уткнулась в спину Николая Воронина. По фотографии, которую она разглядывала сегодня утром, она его тут же узнала, хотя выглядел он гораздо старше указанных в досье тридцати двух лет. Нина невольно отметила измученное лицо, запавшие виски, капельки пота на лбу, хотя в доме вовсе не было жарко.

Услышав Нинины шаги, он поднял голову, и на нее уставились лихорадочно горящие глаза, беспокойно оглядевшие, как ощупавшие ее с ног до головы.

– Вы кто? Что вы тут делаете? Вы подслушивали? – Теперь он чуть ли не кричал.

– Я не подслушивала, я просто шла по лестнице, – спокойно ответила Нина. – Мне нет до ваших тайн никакого дела.

– Каких тайн? – тут же взвился он.

– Да любых, – также спокойно сказала Нина. – Меня зовут Нина Григорьевна, я юрист из адвокатской конторы, которая вела дела вашего деда. Направлена присутствовать при оглашении завещания.

– Господи, да кому оно нужно, это завещание, при нынешних обстоятельствах уж точно не мне, – сказал он с протяжным стоном. – Извините, что я на вас накинулся, просто не ожидал, что здесь еще кто-то есть. Раф в кабинете, Валька ему помогает, Витька с Мариной наверху, мама прилегла отдохнуть в своей комнате, Люба на кухне. Элемент неожиданности, еще раз извините.

– Ничего страшного. – Нина обогнула его по дуге и продолжила свой путь. Вольно или невольно, но ей было интересно, о чем он сейчас говорил с таким жаром и такой внутренней мукой.

«Тебе нет дела до дум и тайн обитателей этого дома, – напомнила она себе. – Ты выполнишь свою работу и вернешься домой. К работе, сыну и Сергею. Впрочем, последнее – не аксиома, но это тоже можно пережить. Как бы то ни было, никого из этих людей ты больше никогда в жизни не увидишь».

От этой мысли у нее отчего-то резко поднялось настроение, и в кухню она вошла, чуть ли не напевая. Блинчики с домашним джемом были сейчас единственным, о чем стоило думать.

* * *

В Знаменское удалось добраться ближе к вечеру. Решение ехать далось Чарушину нелегко. В нем боролся природный скепсис, утверждающий, что все Татины страхи – всего лишь причуды капризной богатенькой барышни и чутко настроенный внутренний барометр, работающий на отличной интуиции, которая твердила, что в деле с наследством Липатова, возможно, не все чисто.

Полина очень хотела поехать и, несмотря на то что Чарушин терпеть не мог «одалживаться», он все-таки позволил себя уговорить. «Если с этой Татой что-нибудь случится, ты же потом век себе не простишь», – сказал он сам себе и дал Полине команду собираться самой и собирать Егора.

– Только учти, что я еду работать, а не отдыхать, и если ты будешь жить в отдельном коттедже, то я, скорее всего, и на ночь буду вынужден оставаться в доме. Правда, если решу, что это необходимо и в усадьбе действительно что-то происходит, – предупредил он жену. – Если все будет тихо, мирно и скучно, то я переселюсь к тебе, проживем там дня два-три, до оглашения завещания, оценим реакцию на него Татиной родни и уедем домой. Я в приживалах ходить не привык.

– Да ради бога, – безмятежно сказала Полина. – Никита, ты же знаешь, что я не буду тебе мешать. Я буду ночевать в коттедже, гулять с Егором по зимнему лесу, а ты заниматься своим расследованием. Тата – не выдумщица, если ее что-то беспокоит, значит, для этого есть серьезные основания.

В Знаменское ехали на двух машинах. В первой за рулем сидел Татин троюродный брат Артем, а вместе с ним ехали его мать, Надежда Георгиевна, мать Таты, Ольга Павловна, и ее младший сын, Татин брат Гоша. Вторую машину вел Чарушин, рядом с ним сидела Тата, а на заднем сиденье баюкала сына Полина. И если первая машина сразу проследовала к конечному пункту назначения, то вторая сначала остановилась у готового к приему гостей коттеджу, где высадили Полину с Егором. Тата подождала, пока Чарушин поможет своей семье расположиться с комфортом и разобрать вещи, и только после этого повела его по тропинке, ведущей

от коттеджа к большому дому. Тропинка виляла среди деревьев и была довольно живописна, Чарушин не мог этого не отметить.

– Красиво здесь, – сказал он Тате, сосредоточенно идущей впереди него. Ее красный пуховичок мелькал среди покрытых белоснежным инеем деревьев, как яркий мячик, ловко подбрасываемый чьей-то невидимой рукой. Туда-сюда.

– Очень. – Она остановилась и повернулась к Чарушину, доверчиво заглянула в его глаза: – Когда дед сюда переехал, мне двенадцать лет было. Мы тогда еще в Видяеве жили, поэтому я сюда приезжала только на каникулы. Зимой и летом. Так вот бывать здесь зимой мне нравилось гораздо больше. Я любила гулять по лесу и представлять себя героиней какой-то сказки. Я населяла этот лес злыми лешими и добрыми волшебницами, которые всегда выводили меня, заплутавшую, на правильную дорогу. А потом я выросла, мы переехали в этот город жить, я много времени проводила с дедом, и он всегда выводил меня на правильный путь, если мне казалось, что я немного запуталась. Он очень меня любил, правда.

– Я верю. – Теперь они шли рядом. Дом уже виднелся впереди, большой, красивый, словно сошедший с картин прошлого века. – И вы всегда могли посоветоваться с вашим дедом по любому вопросу? Я слышал, что Липатов был довольно жестким человеком и, как бы это помягче выразиться, в достаточной степени ретроградом.

– Ну… – Тата помолчала, словно запнувшись на готовой вырваться у нее неправде. – По большому счету, у нас не было запретных тем. Я советовалась с ним при выборе вуза, по работе, по ремонту в квартире, по взаимоотношениям с мамой. В свое время дед очень помог мне пережить папину смерть. С ним рядом было не так мучительно горевать, как рядом с мамой. Но вы правы. Запретные темы между нами, конечно, тоже были. К примеру, я никогда не обсуждала с ним проблемы Гошки, чтобы не выдавать чужие секреты и не навлекать на его голову дедов гнев. К внукам он действительно всегда относился сурово. Не так, как ко мне.

– И все-таки что-то личное вы от него скрывали? – мягко спросил Чарушин и удивился, увидев, как побледнела вдруг Тата.

– Какое это сейчас имеет значение? Пойдемте быстрее, нас уже ждут. Люба не любит, когда опаздывают к ужину. Неудобно заставлять такое количество людей нас ждать.

– А Люба давно работает у вашего деда? – спросил Чарушин, чтобы сменить явно неприятную ей тему разговора.

– Нет, меньше года. Предыдущая экономка внезапно уволилась, и дед где-то нашел Любу.

– Где-то? Как мог восьмидесятичетырехлетний человек, который практически не выходит из дома, найти себе новую домработницу? – спросил Чарушин. Ответ на этот вопрос казался ему важным. – Ваш дед едва ли был легкомысленным человеком, а Люба – это человек, постоянно живущий в доме. Она не могла быть взята просто с улицы или с сайта работы по найму.

– Я не знаю. – Тата остановилась и удивленно посмотрела на Чарушина. – Правда, не знаю. Дед никогда не грузил меня, нас такими вопросами и своими проблемами. Я просто знаю, что Инесса Карловна, бывшая домработница, которая проработала у него много лет, еще с Череповца, вдруг уволилась и появилась Люба.

– И вас это не удивило?

– Нет. Инесса Карловна уже немолода, ей лет семьдесят пять, если не больше. Понятно, что ей не под силу уже было заниматься работой по дому. Дед назначил ей достойную пенсию, и она переехала то ли к сыну, то ли к внучке. А откуда взялась Люба, я не задумывалась. Может быть, Инесса Карловна ее посоветовала, может быть, Рафик нашел, может быть, Валентина постаралась. Хотя нет, Валя тогда у деда еще не работала.

– Валя – это помощник, личный секретарь и медсестра в одном лице? – уточнил Чарушин. – И она, получается, тоже работает в Знаменском недавно?

– Да, она появилась с полгода назад, может, чуть больше. Кажется, летом. Думаю, что тоже с подачи Рафика. Больше некому. Всё, мы пришли.

Чарушин быстро поднялся в отведенную ему комнату, разобрал рюкзак, вымыл руки и спустился вниз, в столовую, указанную Татой. Ужин уже начался, и заставлять людей ждать было действительно некрасиво. Он зашел в большую комнату, увидел огромный овальный стол и сборище незнакомых людей, среди которых ему предстояло пожить какое-то время. С дальнего конца стола махала ему рукой Тата. Слава богу, хоть одно знакомое лицо. Хотя нет, вон Артем, который вылезал из машины у чарушинского дома, чтобы поздороваться. Парень ему понравился, лицо хорошее, открытое, незамороченное. Сейчас такое нечасто встретишь.

– Вы, наверное, Никита. – К Чарушину шел пожилой мужчина с кучерявыми волосами, крупным носом и полными губами. Внешность у него была неславянская, и Чарушин понял, что это и есть Рафик Аббасов, приемный сын Липатова. – Проходите, садитесь. Тата предупредила нас, что она пригласила гостя.

– Таточка у нас всегда делает то, что хочет, – ехидно произнесла довольно красивая женщина, оценивающе осмотревшая Чарушина с ног до головы. – Подумаешь, похороны любимого деда… Подумаешь, что будут только свои… Если уж нашей Таточке втемяшилось в голову позвать постороннего, то она так и поступит. И ей плевать, как это выглядит со стороны. Вы у нас кто? Новый хахаль? Охотник за потенциальным Таткиным богатством?

– Марина, прекрати. – Худая, как будто высохшая женщина со злым, надменным лицом отбросила в сторону накрахмаленную салфетку, которую держала в руках. – Не устраивай скандала, помни, что ты в приличном обществе. Хотя ты, Тата, действительно могла бы и удержаться от того, чтобы приглашать своих друзей, – слово «друзей» она выделила так, что оно прозвучало неприлично, – в такой ситуации.

– Ой, бросьте вы, тетя Вера, – протянула Тата весело. – Не нужно учить меня приличиям. Остановитесь на Марине. Она, уж коли ее угораздило стать вашей невесткой, вынуждена это терпеть, а я не буду, вы же знаете.

– Да уж знаю. Это все дед. Позволял тебе все и всегда. Вырастил нахалку.

– Вера, успокойся, – устало попросила еще одна немолодая женщина, в чем-то неуловимо похожая на Тату, ее мать Ольга Павловна. – И оставь уже в покое мою дочь. Давайте уже будем наконец ужинать. Я не очень хорошо себя чувствую с дороги.

– Разрешите все-таки представиться. – Чарушину надоели препирательства дружной семейки, напоминающей скорпионов в банке. – Меня зовут Никита Чарушин, я – юрист. Прибыл сюда по приглашению Татьяны Александровны, чтобы представлять ее интересы в вопросах, связанных с наследством. Здесь же в усадьбе гостит моя семья – жена с ребенком, так что моральный облик как мой, так и Татьяны Александровны не должен вас беспокоить.

– Ребенок? Маленький ребенок? – визгливо спросила толстая до безобразия старуха, которая, не дожидаясь всех остальных, уже жадно ела. Сосискообразные пальцы хватали со стоящих перед ней блюд куски вареного языка и отправляли их в рот вместе с пучками петрушки. Выглядело это отвратительно. – Он будет своим плачем не давать спать по ночам, а днем бегать по коридорам, стуча пятками. Тата, ты совершенно не думаешь о своих близких.

На щеках у Чарушина заходили желваки.

– Моя семья живет в коттедже, в дом заходить не планирует, так что мой сын вам не помешает, – металлическим голосом сказал он. – Обсуждать с вами целесообразность своего визита я не собираюсь, поскольку договор заключен между мной и Татьяной Александровной. Пока ей угодно, я буду тут находиться, вне зависимости от того, нравится вам это или нет. Всем приятного аппетита.

Он подошел к свободному стулу, сел и положил салфетку на колени.

– Браво. – На другом конце стола кто-то захлопал в ладоши. Чарушин поднял голову, чтобы посмотреть, кто именно, и обалдел. Улыбаясь, на него смотрела соседка по купе. Они вместе ехали от Казани до Москвы, и она, кажется, говорила, что едет в командировку.

– Еще одна наша гостья, – вступил в разговор Рафик. – Тоже юрист. Она представляет фирму, услугами которой пользовался Георгий Егорович. Ее зовут Нина Григорьевна. Прошу любить и жаловать.

– Сколько юристов на квадратный метр, – пробурчал представительный мужчина с властным лицом. – Сразу видно, что наследство, которые мы собрались делить, что-то из себя представляет. Иначе юристы не слетались бы сюда, как воронье. Что, уважаемая Нина Григорьевна, вы уже знаете, что там, в завещании?

– Завещание хранится у нотариуса. – Нина пожала плечами и тоже по примеру Чарушина расстелила салфетку на коленях. – Помимо завещания есть и другие юридические тонкости, касающиеся имущества Георгия Егоровича. Но думаю, Виктор Сергеевич, что обсуждать это мы будем не сегодня, а после похорон. По крайней мере, в том распоряжении, которое Липатов оставил на случай своей смерти, говорится именно об этом.

– Дедуля в своем репертуаре. Он руководит даже собственными похоронами, даже после смерти, – хмыкнул худой мужчина с изможденным лицом и запавшими глазами. – Вить, тебя в этом что-то удивляет?

– Нет, Коля, не удивляет. Дед всегда отличался удивительной верностью себе и своим идеалам. Лично мне глубоко наплевать на всех юристов и вообще на все, что здесь происходит. Я – человек небедный и без дедова состояния.

– Но на дележку наследства ты все-таки приехал. – Артем зло смотрел на двоюродного брата. – Витька, Витька, ты бы хоть сам себе не врал. А заодно вспомнил, что это дед пристроил тебя на теплое место, с которого ты и начал свое восхождение по карьерной лестнице. Так что своим нынешним благосостоянием ты в конечном счете все равно обязан деду.

– Как и все здесь сидящие.

– Нет! – Николай резко отшвырнул вилку, звякнул жалобно хрустальный бокал. – Всем, что есть у меня, я обязан своему таланту, больше никому и ничему. Или ты, Тема, полагаешь, что и в газету меня пристроил дед?

– Нет, в газету ты сам пристроился. – Артем спокойно накладывал себе на тарелку салат из круглой миски. Чарушин подумал и потянул к себе такую же, полную обычного классического салата оливье. Он любил его больше других и сейчас удивился, что богатеи Липатовы, оказывается, разделяли его плебейские пристрастия. – Просто, пока ты был начинающим журналистом, ты жил на деньги, которые тебе давал дед. И квартиру в Москве тебе дед купил, чтобы ты не мыкался по углам. Так что уж особо-то хвост не распускай. Мне на начало моего бизнеса тоже дед денег дал. Да, у меня все получилось, и больше я в его помощи не нуждался, но стартовал я благодаря ему, и поэтому я здесь. Кстати, мне все равно, завещал ли он мне что-либо и что именно.

– Не имеет это значения, – горько сказал Николай, из которого, казалось, внезапно выпустили весь воздух. – Ничего сейчас не имеет значения. Все бессмысленно.

Остаток ужина прошел довольно мирно. Любящие родственники больше не накидывались друг на друга, не вступали в споры, а просто ели, что-то тихо обсуждая с сидящими рядом собеседниками. Тата разговаривала с матерью и братом, который, впрочем, больше молчал. Вера Георгиевна завела светскую беседу с юристкой Ниной, обсуждая с ней, Чарушин слышал, вопросы налогообложения на наследство первой очереди. Виктор что-то тихо выговаривал своей жене Марине. Николай ел плохо. Бледный, молчаливый, он, казалось, был погружен в себя и свои невеселые думы.

Надежда Георгиевна была полностью сосредоточена на еде, которую она поглощала в неимоверных количествах, ни с кем не разговаривая. Артем обсуждал что-то с Рафиком, и

было видно, что разговор интересен им обоим. Рядом с Чарушиным сидела худенькая женщина с некрасивым и словно навсегда уставшим лицом, видимо, та самая помощница Липатова Валя.

– Вы всех тут хорошо знаете? – спросил у нее Чарушин. В его сыщицком деле важна была любая мелочь, а потому он не преминул воспользоваться возможностью повыпытывать информацию у Валентины.

– Что? – Она вздрогнула и отвела глаза от другого конца стола. Чарушину показалось, что смотрела она то ли на Тату, то ли на Ольгу Павловну. – А, нет, не очень. Я же недавно работаю, а дети и внуки Георгия Егоровича не баловали его своим обществом. То есть я хорошо знакома с Рафиком и Татой. Они бывали в усадьбе постоянно. Ольгу Павловну и Гошеньку видела, конечно. Они тоже тут бывают, хоть и нечасто. Артем как-то приезжал, но я выходной брала в тот день, так что мы с ним не пересеклись. А москвичи впервые с прошлого Нового года приехали. И жирдяйка тоже.

Под жирдяйкой она, видимо, имела в виду Надежду Георгиевну.

– Значит, вам все эти люди так же незнакомы, как и мне, – подытожил Чарушин. – Что ж, новизна ощущений – это тоже неплохо. А что про свою семью говорил сам Липатов? Его-то вы успели узнать.

– Георгий Егорович был очень умным человеком. – Губы женщины тронула легкая тень улыбки. – Он знал все слабости своих детей и внуков тоже. Но он их любил, это несомненно. Кого-то больше, кого-то меньше. Так всегда бывает, что к кому-то в семье относятся несправедливо. – В голосе ее зазвучала неожиданная горечь. – Липатов был упрям и не любил признавать своих ошибок, поэтому человек, однажды заслуживший его неодобрение, уже вряд ли мог рассчитывать на снисхождение. О прощении я даже не говорю.

– Вы кого-то конкретно имеете в виду? – уточнил Чарушин. – Кого Липатов не одобрял и так и не смог простить?

Валентина вздрогнула, будто ее застали на месте преступления. Рука, державшая бокал с красным вином, дернулась, темно-красная жидкость потекла по столу, пропитывая белоснежную скатерть. Отвратительное, словно кровавое пятно, становилось все больше и больше. Валя смотрела на него, не в силах отвести взгляд.

– Боже мой, что я наделала…

Она вскочила, порываясь куда-то бежать.

– Да сиди уж, – ворчливо сказала подоспевшая Люба. – Сейчас все исправлю. Вот уж воистину руки-крюки. Валька, ты ж не человек, а ходячая катастрофа. Что не разобьешь, то прольешь или изваляешь. Вот сразу видно, что не липатовской ты породы.

На этих словах Валентина все-таки, не сдержавшись, залилась слезами и опрометью бросилась вон из столовой. Чарушин задумчиво проводил ее глазами. После ужина все разбрелись, кто куда. Рафик снова уединился в кабинете, Николай обосновался в библиотеке, перебирая книги на какой-то из нижних полок. Для этого ему пришлось сесть на пол. Надежда Георгиевна ушла в свою комнату, старшая сестра Вера смотрела какое-то кино в зале с большим экраном, ее сын с невесткой обосновались там же, но Виктор без устали разговаривал по телефону, решая какие-то рабочие вопросы, а Марина уткнулась в мобильный телефон, в котором, похоже, вела какую-то переписку.

– Ты с Нателлой? – спросил у нее муж, и она кивнула, пообещав передать привет.

Валентина так и не появлялась, Люба мыла на кухне посуду. Артем с Татой и Ольгой Павловной, оставшись в столовой, листали какой-то старый альбом с фотографиями. Чарушин подошел посмотреть – там была вся семья Липатовых лет тридцать тому назад.

– А это я. – Тата, смеясь, показала ему на младенца в чепчике с оборками, которого держал на руках молодой красавец в офицерской морской форме. – А это папа. Это моя самая любимая фотография, он тут такой красавец…

– Твой отец вообще был очень видный мужчина, – тихо сказала Ольга Павловна. – И очень добрый. Порядочный, благородный… Это и в те времена было редкостью, а уж сейчас… – Она горько вздохнула: – Сейчас таких уже не делают. Измельчала порода. Липатовская в том числе.

Решив, что для первого дня наблюдений за «липатовской породой» вполне достаточно, Чарушин накинул куртку и решил проведать Полину с Егором. Выйдя на крыльцо, он с удовольствием вдохнул морозный воздух и шагнул на тропинку, ведущую к коттеджам.

Из открытого наверху окна в загородной тишине отчетливо раздавалось яростное щелканье компьютерной мышки, сменившееся бодрым голосом, вещавшим что-то про казино и супервыигрыш в нем. Чарушин понимающе усмехнулся. Недаром Гоша Липатов исчез сразу после ужина. Двадцатидвухлетний парень в глуши развлекался, как мог – играл в интернет-казино. Никита поднял повыше воротник, чтобы мороз не кусал за уши, и ускорил шаги. Повидать сынишку нужно было до того, как Полина уложит его спать. В данный момент своя семья интересовала его гораздо больше, чем липатовская.

* * *

Похороны прошли спокойно. Гораздо спокойнее, чем интуитивно рассчитывала Нина. Деловой человек Георгий Липатов окружил себя такими же деловыми людьми, поэтому организация прощания была безупречной, а все собравшиеся относились к происходящему именно как к деловому мероприятию. Дресс-код строгий, лица постные, разговоры приглушенные, речи запланированные. Каждый занимает свое место и произносит именно тот текст, который задуман сценаристом. Эмоции не предусмотрены.

Плакала только Тата. Горько, не стесняясь своих чувств. Похоже, она действительно любила деда. Текли слезы и у экономки Любы. Она стояла скромно, в уголке, за спинами родни, но слез не скрывала. Нине это показалось странным. Подишь-ты, и работала-то меньше года, и человеком Липатов был тяжелым, а привязалась. Видимо, просто человек хороший, эта Люба.

На правах старшего внука выступил Виктор, строго, четко, все по делу. Немного волнуясь, поблагодарила за все хорошее Ольга Павловна, бросили горсть земли на гроб дочери – Вера и Надя, подержался за установленное надгробие Артем. Хорошую, проникновенную речь произнес Рафик Аббасов. Вот, пожалуй, и всё.

– Несправедливо это все, – негромко сказала Нина стоявшему рядом с ней попутчику по поезду Никите, оказавшемуся юристом Таты. – Все-таки человек много лет возглавлял крупнейшее производство, вывел его в передовые, делами ворочал миллионными, а умер, и похороны у него, как у самого простого обывателя.

– Так он ведь сам так хотел. – Никита внимательно посмотрел на нее. – Вы же лучше других знаете, что все это было четко прописано Липатовым в распоряжении касательно своих похорон. Вы же здесь именно за тем, чтобы соблюсти точное выполнение его воли. Или я не прав?

Он смотрел так внимательно, что Нина даже поежилась, хотя ничего плохого не замышляла и не делала.

– Так, – сказала она. – Но это не значит, что меня подобная ситуация не удивляет. А могу я полюбопытствовать, зачем Тата привезла вас? Она не похожа на человека, который заботится о своих правах на наследство. Наверное, она – единственный человек здесь, кто искренне горюет из-за смерти деда. Эта искренность плохо сочетается с предусмотрительностью, которую она проявила.

Чарушин колебался лишь мгновение. В конце концов, ему нужен был напарник и помощник, на острый глаз которого он мог бы положиться. Нина Альметьева приехала из другого города, а потому никак не могла быть причиной волнения Ольги Павловны или Татиных подо-

зрений в убийстве Липатова. В последнем Никита, впрочем, сомневался очень сильно. Но чем черт не шутит?

– Я на самом деле не юрист, – признался он. – Вернее, юрист, конечно. Диплом юридической академии имею. Но работаю я в полиции. Тата дружна с моей женой, поэтому попросила меня провести негласное расследование причин смерти ее деда.

– Зачем? – совершенно искренне удивилась Нина. – Какие могут быть причины смерти восьмидесятипятилетнего человека, если не старость?

– Нина, а вы знаете, от чего умер Липатов?

– Нет, – поколебавшись, призналась она. – Мне про это никто не говорил, а я не спрашивала. Инфаркт? Инсульт? Тихая смерть во сне?

– В том-то и дело, что нет. – Чарушин вдруг засмеялся негромко, не привлекая внимания родственников усопшего. Негоже это – смеяться на похоронах. – Так как я сыщик, то я задал сегодня вопрос об этом Аббасову, и тот поведал мне замечательную историю. Георгий Егорович Липатов умер от черепно-мозговой травмы, которую получил, катаясь на лыжах.

– Что????? – Нине показалось, что она ослышалась.

– Вот именно. Оказывается, наш пенсионер обладал настолько крепким здоровьем, что, несмотря на свой почтенный возраст, каждое утро после завтрака вставал на лыжи и проходил десять километров по лесу. Одним и тем же маршрутом. В начале зимы для него специально проложили лыжню и подправляли ее после каждого снегопада. В день своей смерти он тоже отправился в лес, но в положенное время не вернулся. Встревоженная Люба заставила Валентину вызвать помощь. Водитель и дворник вместе со встревоженными женщинами отправились на поиски и обнаружили старика, уже бездыханным, примерно в двух километрах от дома.

– И что с ним случилось? – Нина внезапно начала волноваться.

– По официальной версии, подтвержденной результатами вскрытия, ему стало плохо. Похоже, поднялось давление, закружилась голова. Липатов не устоял на ногах и упал, ударившись виском об огромную глыбу льда. Полученная травма оказалась несовместимой с жизнью.

– Да-а-а, вот уж точно человек оправдывал фразу «старость меня дома не застанет». Жил на высоких скоростях и умер так же. Вы знаете, Никита, хотела бы я в восемьдесят пять лет погибнуть, катаясь на лыжах. Но боюсь, что в моем случае это невозможно. В полную физическую развалину я превращусь гораздо раньше. Меня и сейчас-то от занятий спортом тошнит. И все-таки вы сказали, что это официальная версия. Вы считаете, что может быть и какая-то другая?

– Почему нет? – Чарушин философски пожал плечами. – Тата отчего-то считает, что ее деда убили. Узнав обстоятельства его смерти, я бы не стал полностью исключать такую возможность. Его могли толкнуть на ледяную глыбу. Могли нанести удар в висок чем-нибудь тяжелым, а потом инсценировать несчастный случай.

– Но зачем?

– Ради наследства, ради чего же еще…

– Никита, – Нина положила ему на запястье свою прохладную изящную руку, – я не видела завещание Липатова, оно находится у нотариуса и будет в соответствии с оставленными распоряжениями вскрыто только завтра после обеда. Но я совершенно точно знаю, что основной части липатовского состояния там нет.

– То есть? А куда оно делось?

– Некоторое время тому назад Липатов основал трастовый фонд, в который перевел почти все свои деньги. Этой сделкой занималась именно наша фирма. По условиям заключенного договора, учредительство фонда и средства в нем переходят наследникам лишь через пятьдесят лет. Все эти годы управляющий распоряжается имуществом фонда самостоятельно, а извлекаемая при этом прибыль расходуется в пользу указанных бенефициаров, но лишь в жестко оговоренных Липатовым рамках.

– Ничего не понял, – признался Чарушин. – А кто управляет фондом, кто такие бенефициары и каковы те самые рамки, о которых вы говорите?

– Об этом я расскажу завтра во второй половине дня, – невозмутимо сообщила Нина. – Честно говоря, я не в курсе, знают ли родственники, что в завещании указана лишь очень малая доля того, чем на самом деле владел Липатов. Остальное вложено в трастовый фонд, и на эти средства никто из наследников не имеет никаких прав.

– И сколько же денег Липатов поместил в этот самый фонд? Какой суммы лишились наследники?

– Сто двадцать миллионов долларов. Ренту с них многие действительно получат. Но основной капитал – нет. Поэтому убивать Липатова не имело никакого смысла. Ренту своим детям и внукам он платил и так.

– А если они не знали про траст? Все или хотя бы кто-то один? – медленно спросил Никита. – А если тот, кто убил Липатова, считает, что вот-вот станет наследником ста двадцати миллионов долларов. За эту сумму вполне можно убить, как вы считаете?

– Я бы не стала, – сухо сообщила Нина. – Возможно, в ваших рассуждениях и есть смысл. Но мы же не знаем, убили ли Липатова или он действительно случайно упал и ударился головой об лед.

– Не знаем, но можем попробовать выяснить. – Никита заговорщически улыбнулся. – По крайней мере, я после поминального обеда собираюсь встать на лыжи и пройти тем самым путем, который ежедневно проходил Георгий Егорович, осмотреть место его гибели. Вы со мной?

– Вы с ума сошли? Я на лыжах не стояла со школы.

– Без лыж по лесу сейчас не пройти. Ну же, решайтесь, Нина. У вас очень умные глаза и быстрая реакция. Это я уже заметил. Вы можете быть мне полезны в том расследовании, которое мне поручили.

– Вам поручили, не мне.

– Неужели вам не любопытно к нему подключиться? – поддел ее Никита. – Я же вижу. У моей жены точно так же блестят глаза, когда она сталкивается с загадкой, которую не может разрешить с лету. Кстати, она пойдет в лес вместе со мной. Правда, ей проще, в отличие от вас, она отлично ходит на лыжах.

– А ребенок? Вы и его потащите с собой в лес? – Нина все еще сопротивлялась, но все слабее. Ей действительно было интересно. Так интересно, как, пожалуй, еще ни разу в жизни.

– Ребенок будет спать, и Люба любезно согласилась его покараулить. Обед к тому времени уже закончится, а гору посуды можно смело переложить на наемный персонал, который сегодня прибыл из деревни, чтобы помочь с поминками. Люба любит детей, поэтому ей это даже в радость.

– И когда вы успели это все выяснить? – язвительно спросила Нина. – Вроде вы появились в усадьбе позже меня, а я вот понятия не имею, любит Люба детей или нет.

– Вы юрист, а я сыщик. В этом вся разница, – сообщил Никита и подмигнул ей: – Ну что, ввязываетесь в авантюру или побоитесь?

– Ввязываюсь, – решительно заявила Нина. – Только я действительно не умею ходить на лыжах, так что буду в тягость и вам, и вашей жене.

– За нас можете не беспокоиться. И вас мы не бросим в лесу на съедение волкам. Лыжное снаряжение хранится в подвале, там же можно подобрать костюмы и шапки. Липатов был человеком предусмотрительным и подготовился к тому, что его внукам или гостям может прийти в голову фантазия покататься на лыжах. Встречаемся у черного входа ровно в два. Возвращаться, возможно, придется в темноте, поскольку солнце заходит все еще рано, фонарик я возьму.

– Хорошо, – ошарашенно сказала Нина, отчего-то чувствуя, что ее ловко обвели вокруг пальца, но не понимая, в чем именно.

Снежный наст хрустел, как свежая французская булка. Солнце, еще с утра и не думавшее выглядывать из-за туч, из любопытства все-таки высунуло нос наружу, чтобы поглазеть на лыжные потуги Нины, и теперь, радостно хохоча, слепило глаза, отражаясь от белого-белого снега.

Нина с завистью смотрела на Никиту и Полину, нацепивших темные очки. У нее очков не было, а поискать их в кладовой в подвале она не догадалась. «Либо ослепну, либо нос облезет», – мрачно думала она, передвигая ноги по лыжне. Шла она последней и, конечно, то и дело отставала, но ее попутчики останавливались, терпеливо дожилаясь ее, неумелую, не выказывая при этом ни капли недовольства.

Впрочем, как ни странно, идти на лыжах было хоть и непривычно, но не очень сложно. Сказывалась мышечная память, оставшаяся с детства. В школе Нина не любила уроков физкультуры, но ходить на них ей приходилось, потому что родители не терпели лени и слабости, которые пыталась проявить дочь. Лень скорее распространялась не на само катание, а на необходимость тащить в школу кроме портфеля еще огромный мешок с формой, лыжи и палки, которые норовили то и дело выскочить из рук.

На самой лыжне становилось легче. Ветер свистел в ушах, легкая куртка и шерстяные рейтузы не сковывали движений, позволяли чувствовать себя легкой-легкой, словно птица. Тогда Нина не отставала от одноклассников, а проходила дистанцию одной из первых. В памяти всплывали детские воспоминания, те, что она много лет подряд заталкивала в самые отдаленные закоулки сознания. Скрипящий снег, деревянные лыжи, одна немного треснутая. Боже мой, как она мечтала о пластиковых, которые были писком моды, но ей их покупать категорически отказывались, чтобы не баловать.

Сейчас все было немного по-другому – лыжи самые современные, настоящие, марки Rossignol X-ium Skating WC3 White Base NIS. Сама Нина в этом, конечно, ничего не понимала, но Никита сказал, что лыжи – супер, подходящие для профессионалов высокого уровня. Лыжный костюм – дутый, легкий, очень удобный, красивая стильная шапочка, закрывающая уши, ботинки, не ощущающиеся на ногах. В усадьбе знали толк в катании на лыжах. И идти на них было одно удовольствие, минут через десять Нина даже осмелела настолько, что начала отталкиваться сильнее и катиться вперед, как заправский лыжник. Она подставила лицо ветру и счастливо рассмеялась. Все-таки хорошо, что ее пригласили в усадьбу и позвали с собой на лыжную прогулку. Когда бы еще она покаталась на лыжах.

Она догнала поджидающих ее снова Никиту и Полину, стоящих у живописной сосны.

– С погодой нам повезло, – сказал Никита.

– В смысле? Могло бы быть холоднее?

– Нет. В смысле отсутствия снега.

– А разве снег мешает кататься? – удивилась Нина.

– Снег засыпает следы, – серьезно ответил он. – Липатов погиб четыре дня назад. И все это время не было снегопада. Если на месте его гибели кроме него побывал кто-то еще, то мы обязательно увидим это по следам.

– Балда, – беззлобно сказала Полина. Нине она как-то сразу и бесповоротно понравилась. – Конечно, на месте его гибели мы увидим следы. Его же нашли Валентина, Люба и два местных мужика. Они же туда не на вертолете прилетели.

– Ты права, как всегда, мон женераль. – Никита с нежностью посмотрел на жену. – Но! – тут он поднял указательный палец в лыжной перчатке. – Во-первых, я спросил, как они искали Липатова. Лыжня круговая, он всегда ходил по одному и тому же маршруту, по которому сейчас идем и мы. Когда Люба спохватилась, что хозяина давно нет, и подняла шумиху, то они пошли навстречу, справедливо полагая, что Липатов должен быть уже где-то близко к дому. Валентина, водитель и дворник были на лыжах. Люба шла пешком, она не умеет кататься, поэтому отстала от них. Идти по лыжне было нельзя, чтобы не портить ее, она шла рядом,

и то и дело проваливалась в снег. Обратно они тащили Липатова на куске брезента, который предусмотрительно захватили с собой.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Нина. Почему-то с этим человеком она легко перешла на «ты», отбросив в сторону любую неловкость. Никита Чарушин, как и его жена, очень располагали к себе.

– Лучший способ что-то узнать – это спросить. Я же говорил, что я сыщик. Моя профессия – задавать вопросы. Поэтому, перед тем как отправиться на сегодняшнюю прогулку, я поговорил с дворником. Понятно, что место происшествия они изгваздали всё. Снимали лыжи, суетились вокруг тела. Но думаю, что нечто интересное мы сможем увидеть немного поодаль. Конечно, при условии, что это интересное вообще имело место быть.

– А как они догадались взять с собой брезент? – спросила Нина. – Липатов мог просто задержаться на прогулке? Они были так уверены, что с ним что-то случилось?

– Брезент предложила взять Валентина. Дело в том, что Липатов всегда ходил одним и тем же маршрутом. К тому моменту, когда Люба забила тревогу, его не было дома уже около четырех часов. Мысль о том, что не все в порядке, была очевидной. Правда, женщины думали, что старику просто стало плохо.

Немного передохнув, они пошли дальше. Нина уже освоилась настолько, что не только перестала напряженно следить за ногами, но и вертела головой по сторонам, обращая внимание на красногрудых снегирей, развешанные на деревьях симпатичные кормушки с зернами внутри, на обледеневшие, словно стеклянные, ветки, голубую бесконечность неба и сложносочиненную вязь крон, раскиданную по нему. Все это отчего-то заполняло ее душу восторгом, давним, почти позабытым. Здесь, в зимнем лесу, на неожиданной для себя лыжне Нине внезапно стало казаться, что для нее еще возможно счастье. Обычное человеческое счастье, которого она так долго была лишена. То ли погода, то ли магия сказочного леса, то ли незнакомая, но приятная компания Никиты и Полины делали это счастье не просто возможным, а совсем близким, способным нагрянуть с минуты на минуту. Надо же, как странно.

Они шли и шли, катили и катили, и сказочный лес вокруг все не кончался, и Нина дышала полной грудью, которую распирало от предвкушения счастья. И вдруг уткнулась в спину остановившейся Полины. Идущий первым Никита тоже остановился, скинул лыжи и за чем-то полез.

– Что там? – спросила Нина отчего-то шепотом.

– Чего шепчете? Тут, кроме нас, никого нет. – Никита выглядел сосредоточенным и напомнил Нине тигра перед прыжком. Впрочем, она никогда не видела тигра, если только в зоопарке. – Тут еще одна лыжня. Слабенькая, еле заметная. По ней шли совсем недавно, но только один раз.

– Почему?

– Потому что, если бы давно, ее занесло бы снегом, а если бы ходили регулярно, то она была бы плотной и разъезженной. Смотрите. – Он немного прошел вперед, ноги без лыж проваливались в снег. – Вот тут лыжни сошлись. Кто-то выехал из леса на лыжах и подъехал почти вплотную к трассе, по которой каждый день ходил Липатов. Думаю, что здесь он остановился.

Он аккуратно обследовал кусты и сугробы вокруг, но ничего не нашел.

– Постойте, я проеду по этой лыжне, – повелительно сказал он. – Дальше не ходите, я думаю, что до места, где погиб Липатов, осталось немного. Ждите меня здесь.

– А что нам делать, если кто-то появится? – глупо спросила Нина. Отчего-то в данный момент ее тянуло на глупости.

– Пойте песни. Полька, я скоро.

Он пристегнул лыжи, оттолкнулся палками и помчал по едва заметной лыжне, тут же скрывшись из глаз. Полина отстегнула свои лыжи, плюхнулась в сугроб под елкой и, стащив со спины маленький рюкзачок, вытащила оттуда термос.

– Хочешь? – Из-под крышки поднимался заманчивый пар, вкусно запахло кофе, не растворимым, а самым настоящим, и рот Нины моментально наполнился слюной, так ей захотелось кофе.

– Хочу.

Полина аккуратно налила ароматную жидкость в крышечку, протянула ее Нине, а сама хлебнула прямо через край и блаженно закрыла глаза.

– Люблю кофе. Особенно горячий и в мороз. А ты?

– И я. То есть в мороз я его, пожалуй, пью впервые. Но вообще люблю, да. А вы с Никитой недавно женаты?

– С прошлой осени. Мы в Коктебеле познакомились. Там такой детектив был, закачаешься. Мне так понравилось. Настоящее приключение. С тех пор мне очень хотелось снова очутиться в детективе, и вот благодаря Тате, кажется, получилось.

– А с Татой вы давно дружите? Как она вам? – Нина и сама не знала, зачем спрашивает.

– Если честно, на самом деле мы не подруги. Я Татина домработница. – Полина чуть вскинула подбородок, словно ожидая, что ее работа вызовет у заносчивой юристки презрение, но Нина никогда не была снобом. Более того, снобизм она ненавидела всеми фибрами души еще с юности, поэтому даже бровью не повела. Домработница так домработница. Какая разница. – Ей понадобилась помощь, и она обратилась через меня к Никите. Он ведь сомневался, а теперь видит, что Тата была права в своих подозрениях.

– Не знаю, – с сомнением протянула Нина. – Как-то надуманно все это. Зачем убивать старика, который вот-вот бы и сам отошел в мир иной.

– Никита разберется, – уверенно сказала Полина. – Он всегда во всем разбирается. А ты замужем?

– Нет. Была, но сейчас в разводе, – сказала Нина. Открывать душу перед незнакомыми людьми она не любила. К ее облегчению, разговор прервался, потому что вернулся Никита.

– Лыжня ведет к дороге, – сообщил он. – До въезда в усадьбу метров триста-четыреста. Думаю, что камера туда не достает, дорога немного отклоняется в сторону, получается мертвая зона. Вполне можно было оставить там машину, надеть лыжи и прикатить сюда, чтобы здесь поджидать старика Липатова.

– Но никаких следов ссоры здесь же нет, – сказала Нина.

– Зато там есть следы. Странные следы, которых быть не могло. Пойдемте дальше.

Нина хотела спросить, что он имеет в виду, но не успела. Полина резво вскочила, убрала термос, пристегнула лыжи. Небольшая вереница снова потянулась по крепкой лыжне. В молчании они проехали минут пять, может быть, семь, и тут Никита снова сделал знак остановиться. Нина вытянула голову, пытаясь рассмотреть, что именно он увидел.

– А вот это уже интересно, – услышала она. – Очень интересно. Именно так я и думал.

– Что? – не выдержала Нина. – Что там такое?

Отстегнув свои лыжи, она отошла чуть в сторону и увидела небольшую ледяную глыбу с острыми краями. Сама глыба и снег вокруг нее были забрызганы кровью. Видимо, это было то самое место, где оступился и упал Георгий Липатов. Как она и думала, вокруг много следов, и лыжных, и от ботинок. Рядом с лыжней тянулась широкая полоса, как будто по снегу тащили что-то большое и тяжелое. Тело миллионера на принесенном брезенте.

– Ты видишь что-нибудь необычное? По-моему, подозрительной выглядит только вторая лыжня. Да и то, мало ли кто мог приехать в лес покататься и случайно забрел на частную территорию.

– Девчонки! – Никита рассмеялся вдруг легко, задорно, как человек, который только что получил подтверждение какой-то своей правоты. – Вы смотрите внимательно. Какие следы вы видите?

– Обычные. – Нина начала сердиться оттого, что ему было понятно что-то недоступное ей. – Лыжня, следы ног, след от ткани, кровь…

– И больше ты ничего не видишь? – Голос Никиты звучал вкрадчиво. – Ну же, Нина, присмотрись внимательно.

– Я вижу, – сказала вдруг Полина. – Собачьи следы. Следы лап довольно крупной собаки. Ну и что?

– Все-таки, Пони, ты у меня – огромный молодец. – Никита снова засмеялся. – В том-то и дело, что на территории Знаменского не могло быть никакой собаки. Липатов их боялся и запрещал держать даже для охраны. Нам про это Тата рассказывала по дороге.

– А мне водитель, который меня вез. – Нина вдруг охрипла. Собачьи следы она теперь тоже видела совершенно отчетливо. – Получается, что кто-то приехал на тайную встречу с Георгием Липатовым и привез с собой собаку.

– Да. Кто-то прикатил на лыжах от дороги и привел с собой собаку. Липатов упал, потому что испугался настигнувшей его псины. Возможно, она даже прыгнула и напугала его.

– Но как можно было рассчитать все так точно, что он упадет на острый лед и разобьет себе голову? – Нина все еще не понимала.

– Он просто упал. И его, лежачего, ударили чем-то тяжелым в висок. А уже потом переложили так, как будто он ударился об лед, – мрачно сказал Липатов. – Теперь я практически убежден, что именно так все и было. Тата, нанимая меня, была совершенно права. Георгия Липатова убили.

* * *

Согласно распоряжениям, оставленным старым миллионером, оглашение его завещания должно состояться назавтра после похорон. Мероприятие было назначено на полдень, но, проснувшись в семь утра, Нина больше так и не смогла заснуть, хотя торопиться ей было совершенно некуда.

Ворочаясь в постели, она вспоминала вчерашнюю лыжную прогулку и то, чем она закончилась. В выводы, сделанные Никитой, она поверила сразу и бесповоротно. Он не был похож на шутника или пустого болтуна. Итак, Георгия Липатова убили. Кто? Зачем? Ради наследства? Тогда убийца обязательно должен выдать себя сегодня, при оглашении завещания, ведь, что бы в нем ни оказалось, дети и внуки Липатова должны разочароваться из-за того, что огромный куш уплыл из их рук. Нина знала это лучше, чем кто бы то ни было. Получается, что во время беседы нужно будет внимательно следить за наследниками. Кто-то из них поведет себя как минимум странно.

Нина попыталась представить себя на месте тех, кто сегодня надеется получить миллионное состояние. О чем думают эти люди? Какие эмоции испытывают? Спят ли в эту раннюю пору, видя сладкие сны о денежном дожде, который вот-вот прольется над ними, или, как она, ворочаются с боку на бок.

Не в силах больше выносить вынужденное бездействие, она вскочила, подошла к окну и отодвинула штору. На улице было еще совсем темно. Лишь свет от фонаря, стоящего неподалеку от ее окна, стыдливо заглядывал в окно. Можно? Пустишь ли? Дубовый паркет приятно холодил босые ноги. Уж что-что, а комфорт в этом доме был продуман до мелочей. К примеру, именно здесь, у окна, располагался дублирующий выключатель, чтобы можно было зажечь свет и без помехи полюбоваться на застывшую зимнюю улицу. Сейчас двор перед домом был пустынен, даже дворник не чистил дорожки. В отсутствие снегопада они и так выглядели идеально.

Нина щелкнула выключателем, снова задернула штору, чтобы не быть видимой с улицы, хотя там никого и не было, и вернулась в постель. Уснуть, конечно, не удастся, но поваляться и посидеть в Интернете, почему бы и нет. Мимоходом она подумала, что вчера за целый день

Сергей ей ни разу не позвонил. Это было странно и ново для нее. С горечью Нина подумала, что была права: их отношениям, видимо, приходит конец.

«Он и в командировку послал именно тебя, чтобы на время от тебя отделаться и за эти десять дней принять окончательное решение», – уныло сказала она сама себе.

Как она будет жить без Павлова, к которому привыкла? Смогут ли они работать вместе дальше или ей придется уволиться? Гораздо больше, чем любовника, ей было жаль потерять друга. Любовником Сергей, конечно, был прекрасным, но это дело наживное, а хорошего друга найти ой как непросто.

Нина шагнула к кровати и вдруг замерла. На прикроватной тумбочке лежала книга. Обычная книга в бумажном переплете. Немножко потертая от старости черная обложка, красная цифра «три» на ней. Она подошла ближе и взяла книгу в руки. Так и есть. Собрание сочинений Этель Лилиан Войнич. Издательство «Правда», «Огонек», 1975 год. Том третий. Роман «Сними обувь твою». Когда-то в далеком детстве Нина обожала этот роман, и у нее дома было точно такое же собрание сочинений, третий том которого она зачитала практически до дыр. «Овод», «Оливия Лэтам», «Прерванная дружба» и «Джек Реймонд» оставили ее совершенно равнодушной, а «Сними обувь твою» она читала запоем, так ей нравилась эта книга и ее философия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.